

Алексей Козлов

ДЖУНГЛИ БЛЕФУСКУ

том 2
Джонни
Кишки
Наружу

Алексей Козлов
Джунгли Блефуску. Том
2. Джонни Кишки Наружу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23577002
ISBN 9785448397622

Аннотация

Из несвободного, грязного, испорченного Ворвилля главный герой стремится в горы, в мир дикой природы. Он начинает своё путешествие, которое приведёт его неизвестно куда. Здесь, в лесу, основана удивительная колония алкоголиков и философов, не задумывающихся о будущем.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	44
Глава 4	52
Глава 5	67
Глава 6	76
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Джунгли Блефуску

Том 2. Джонни

Кишки Наружу

Алексей Козлов

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

© Алексей Козлов, 2017

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9762-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Король Джунглей

Чьи голоса слышатся из джунглей?

– Почему он повесился?

– У него карма была такая!

– Умер его любимый Томагочи! Жизнь потеряла смысл!

– Но он любил не только Томагочи!

– И кого ещё?

– Маму!

– Она наверно на Томагочи похожа была?

– Каким он был?

– Он был признанным ботаником! Он разводил редкие виды растений на просторах родины!

– Каких растений!

– Он спасал один редкий вид – дикорастущую коноплю Сморгонского! Алферум макманус! Но государству в лице жестокого, воистину бессердечного наркоконтроля не понравилась его правозащитная деятельность, сплошные газбгод и шатанипя и его посадили на семь лет!

– Семь – хорошее число!

– Хорошее, но не в данном случае! Пять лучше!

– Я вижу, что жизнь у него теряла смысл очень много раз, но он не сдавался! Почему он сдался в этот раз!

– Красные камикадзе не сдаются!

– Но сдался же! Сдался!

– Но почему сдался! Не потому, что пал духом, или ослабился, а просто стрессанул...

– Ссанул?

– Типа того! Смерть страшна не своим фактом, но своей неожиданностью! А томагочи всегда умирает последним! Так, мысль ушла! А! Вот! Смерть Томагочи потрясла его так, как не может потрясти человека! Он так плакал, так плакал!.. Как будто всех мёртвецов хотел в преисподней пробудить своими неистовыми воплями!

– А кто такой Томагочи?

Все переглянулись, словно перед ними был запредельный глупец. И заулыбались беззубыми ртами. Вот рас....и!

– Ты не знаешь или так, шутлю несёшь?

– Всего знать невозможно! Я не БСЭ! С такими вопросами к академику Лихачёву! Или к Сахарову!

– Поздно! Они уже в аду!

– Ещё одно слово, и там будет троица!

– Мели Емеля! Твоя неделя!

– Ладна! Томагочи, да будет тебе известно, добрый Вотлька и Лёлька, а также и Гек Чукович – друг всех одиноких и покинутых пристебаев! Защитник сирых и отверженных тунеядцев! Просто ординарный японский святой! Друг юных Камикадзе! Ответ принят?

– Камикадзе – грузинская фамилия?

– И это тоже! Хотя и не главное!

– Я знал одного грузина, так он был ужасно гордый и глупый...

– А я знаю одного японского городского! Того, который не помню точно в какой год русского императора Николая Второго шашкой по голове по какому-то там малозначительному и прямо скажу пустяковому поводу приложил в Токио! Чвак! Чвак! Чуть не убил! Ей богу! Он его плашмя шмякнул по голове, а мог бы и как надо! Добрейшей души японец! Тот от него спасся только прыгнув головой в канализационный люк! Тот за ним гнался с дикими воплями, как обезьяна за фургоном! Банзай, типа!

– Не ври! В Японии нет канализации!

– Ну не скажи! Н надо так априорно утверждать! По-моему в Японии такая канализация, какой нам сроду не снилась! Гиперканализация! Клоака святого Петра! Всё по последнему слову техники!

– Брехня всё это!

– Я пр... пр... папвду говорю!

– Да вы обскурантист, Шуля! Я не знал, что вы такой! О родных просторах вы таких слов никогда б не сказали! Всё тут у вас критика! Родина вам не мила! Границу надо откупорить, КГБ распустить! А Японию небось хвалите! Э-эх, незадача! И где же ваш хвалёный патриотизм, батенька? Где? Загулял поди?

– Да уж там, где вас нет, милый Едрос Петрович! Не вам

судить меня, не вам!

– Божий суд грядёт! Штаны с грешников сдерёт!

– Ну? Чего там ещё выдающегося в этой Японии было?

– Да, и жажнул он шашкой императора Николая так, что тот чуть не окочурился, ужас просто! Тот упал и стал вращаться, как сомнамбула... Его потом японским орденом Восходящего Солнца наградили!

– кого? Николая?

– Нет! Городового!

– За что?

– За находчивость и творческий гений при задержании беглого императора!

– А где он приложил Николая-то шашкой?

– Я думаю где-то в районе Красных Фонарей!

– Это почему там? Там что, других районов нет? Все только красные фонари?

– Нет, есть, разумеется, но он приложил его там!

– Зачем?

– Наверно порядок в районе красных фонарей император как-то нарушил! Оскорбил честь и достоинство проституток, может быть?

– У проституток нет чести!

– Но достоинства у хорошей б... хоть отбавляй! Я знаю, что говорю!

– Вот вы спрашиваете, что-де император делал в Японии? Хороший вопрос! Ёмкий! А иначе что императору делать

в Японии, как не шляться по району красных фонарей! Если бы он занимался дипломатиею, нах, а не шастал в районе красных фонарей, войны бы с Японией не было б!

– Где это было?

– В Сохо!

– Не бреши! Шутник! Сохо в Англии! Сударь мой! Не путайте боб с горохом! Мы не гимназистки!

– Ссахо – я сказал! Ссахо!

– Ссаки? Час от часу не легче! Япония – страшная держава! Лучше нам с ней не воевать! Только мы к ни воевать, как нам уже накостыляли!

– А-а!

– Страшные времена! Как тасовалась колода! Из огня мировой войны в горнило революции! Перец а анусе! Через тернии так сказать к звёздам! Циолковского – в заложники – и шась на другие планеты! Кругом революции, кражи, дебош и сифилис – а мы пляшем! Петербург весь передох! А нам всё нипочём! И мы, как три тополя на Плющихе! Качаемся и воем в забыты!

– Смотреть страшно! Знаете у Гойи есть страшная картина...

– У гоев всё есть! Даже эти мерзкие картины! На одной из них изображён человек, который топором отрезает себе ухо!

– Ах, Арбат, мой Арбат!

– Шуля! Не частите! Я зануд не люблю! Я в детстве их

давил тесёмкой от детских трусиков!

– Вы либерал-гуманист!

– Ах, Арбат...

– Шуля! Ради бога, не трогайте святынь! Этот прекрасный еврейский район...

– Мне он казался немецким!..

– Да?

– Да!

– Да, он сначала был немецким, но потом как бы... как бы... стал как бы еврейским!

– Встал и пошёл? Как бы!!!

– Кто?

– Район?

– Не знаю! Мне тяжело с вами разговаривать! Вы очень нетолерантный человек! Очень!

– Я не обижаюсь! Когда обижусь, тебя не станет! Мать жива?

– Ну вот, опять!

– Не плечи клешнями!

– Вот опять! Ну человек!

– Как бы или правда?

– Как бы правда! Правда как бы!

– Яснее!

– Куда уж!

– И в чём тут святыня? Подъ... ка в чём?

– Да не, всё честно!

– Томагочи томагочи...

Я тебя разлюбил!

Томагочи томагочи...

Шашкой голову разбил!

– А-а! Так бы сразу и сказал! А то ходит вокруг да около! Клёньтельмань! Ключюнь! Ключюнь! Дышать темно! Честное слово! Как ребёнок! Такие всегда ссутся под себя!

– Вот в Америке племя индейцев Чароки заявило в полном составе, что их предки – это какое-то давно потерянное в страшных скитаниях колено народа Израилева...

– Небось хотят под эту дудку получить денег у Рокфеллера! Рокфеллер своим иногда подкидывает конфеток!

– Я тоже так думаю!

– Да!

– Да, но Рокфеллер, хоть и прослезился от такой удачи, что славное племя индейцев Чароки, оказывается, не просто живёт в его личной резервации и там целыми днями водку пьёт, но и находится в прямом родстве с самым богоизбранным народом на земле, тем, который теперь в Израиле шустрит, но и послал их плевки на генетическую экспертизу в Пентагон! Мол, надо ещё научно подтвердить такое замечательное родство! Проверить надо такое счастье! Мол, еврейскому народу надо ещё попривыкнуть к появлению брата!

– Ну и? Проверил?

– Проверил!

– И как?

– Облом! Не родня, оказывается! Стоп-машина!

– А кто гены у тех, кто в Израиле живёт, проверял! Там ведь тоже всяких навалом! Вот я захочу... обкарнать – тоже стану богоизбранным! Какие тут могут быть гены! Лажа это всё полная, а не генетика!

– Ну не скажи! Я верю в науку!

– Ну верь!

– Верю!

– Вот всегда ты веришь-веришь, а потом с голой жопой ходишь! Не смешно это?

– Ты кому это?

– Так! По делу! Когда человек обкарнывает детородный орган, его гены меняются и меняются сильно!

– Сам видал?

– Учёные сказывали!

– Санчо Сранчо! Учёные ему сказывали! Эйнштейн и Максвелл приползли к нему в каптёрку! И говоярт: «В лучшую ли сторону каковые таковые изменения?»

– Кому как повезёт!

– Иных уж нет, а те далече!

– Не части! Лей ровно! По кантик!

– Лью!

– Вот и лей!

– Лью!

– Мне кажется, больше психика меняется!

– У кого как!

– У тебя как?

– У меня психика меняется больше, когда ты себе больше в стакан наливаешь! Не люблю несправедливости!

– Не родня чоль?

– Вот так, не судьба! Пролетели индейцы Чароки, как фанерка над Парижем! Фьюить! Весь мир насмешили! Ищисвищи теперь птицу счастья! Ни по одному пункту не прошли! Бицепсы, трицепсы там, всё разное! Херь полная!

– Подкупили лаболаторию! Сионисты подкупили! Нет, честное слово! Чароки – точно из этих! И похожи как! Залюбишься!

– Ты по перьям судишь?

– По всему!

– А я и не знал, что ты такой махровый сионист! Махра полная!

– Ладно, товарищи! Семь часов пополудни! Бунд начинает работу! Попрошу всех встать! Уши не чистим! Встать! Товарищи! Всем! Всем! Всем! Банки, почта, телеграф! Сдавайтесь! Мотоциклеты с пулемётами! Ко мне! Бойцы невидимого фронта! С ходу забрасывать гранатами гидру империализма! Сдавайтесь, лапоухие твари! Товарки! Идём к Томагочи!

– Может, нальёт! Я видел у него маленький флакончик боярышника! Какими усеян весь Проспект Патриотов!

– Божественное пойло!

– Трансцендентальное!

– Неоценённое Ротшильдами и Бове!

– Чо токе?

– А то! Налъёт вам! Ждите! Свежо предание, а вертится с трудом! Умер он! Умер! И никогда, никогда...

– Свежо пердение, а верится в дурдом!

– Отставить блудливые язычки! Здесь вам не то! Слово имеет товарищ Моммзен!

Моммзена с первого раза не нашлось, никому в таком признаваться не хотелось.

– И чего он там сказал такого вумного?

– Про амбивалентность!

– Ещё?

– Про клепсидру!

– Ещё?

– Про девушек!

– Про девушек?

– И про них тоже!

Эти голоса удаляются и стихают в великошумной аллее Парка Челюскинцев, но другие нарастают.

Что за голоса раздаются в ложине, ведущей к морю?

– Наше ристалище будет называться «Стоянка Древнего Человека «Альков Трёх граций»! У нас будут красивые имена! Мерлипунд! Штафирко! Унчакис! Или Унчаклис! Красивое жильё и красивые девушки!

– Он вообразил себя новым Василием Блаженным и те-

перь проходя мимо изображения Хориста, ну, ты понимаешь, в духе старых времён козлиным тенорком говорит: «... твою мать!»

– Но это хулибожесть!

– Скорее наоборот!

– Всё будет хорошо! Так как Хориста никогда не было, то и его мать под вопросом!

– А не много ли обещаний для одного светового дня? Козлице вижу бесовское!

– Как жаль! Я хотел вчера разбить наше тусклое зеркало! Не успел!

– Князь Куньлунский Буй Тур КоньОтто! Прекратите столпотворение при котле! Лучшие кусочки – в пасть добродетели!

– Собаچачины на всех хватит!

– На вас хватит!

– Индефирентизм не пройдёт!

– Перфекционист Фрич!

– Я!

– Ко мне! Вы поняли направление мысли и политики?

– Внешней?

– Внутренней, дура!

– Я не понял, но уразумел!

– Плохо!

– Есть!

– Так поняли?

– Уже отчасти!

– Поисняю! Христианство – самая великая схема сетевого маркетинга! Да-с! От-такева! Подстава! Продают услугу – утешение и дают бесплатный приз за лояльность – обещание вечной жизни в Раю! Бери – не хочу! Мотивы более чем достаточные, чтобы не отказаться от таких сливочных возможностей. Самом собой разумеется, слабые люди начинают дерзать! Женщины, дети, кошки! Аут Нонстоп! Нам надо перенять передовые методы околпачивания простаков, тем более, что они прекрасно действуют не только в диких странах, но и в Европе!

– Что это значит? – хрипло спросил чрезвычайно худой тип, одной стороной лица поразительно схожий с Паниковским.

– Это кто? – спросил Ральф, грассируя и театрально ставя нахала в общий строй, – Английский гомсексуалист Бруно? Несёт урну Ким Чен Ира в праздничных носках? Товарищи! Так как нам быть? Пропустим героя?

– Урну в носках несёт?

– В ад у нас все вхожи! Проходи!

– За плохое знание команд военачальников – три наряда на куфню и в сортер! Портвейна не давать! Бе-хом! Солдатик! Пощему не бежишь?

– Я бегу! Внутренне! Бегу очень быстро! Раз! Раз!

– Молоца! Теперь по пластурски! Шась-шась!

– Уже ползу!

– Герр офицер! Прошу проиндексировать его зарплату!
– Но только ради исключения!
– Локти не протри!
– У меня нет локтей!
– Интеллигенция! Ко мне!
– Все смотрят на бойца Фрича! Все внимательно смотрят на бойца Фрича! Всем учиться у него! А почему остальные не ползают? Почему бойцы сидят, как святоши на унитазах? У вас что, день защитника отечества! Я такого не объявлял! Дристунов – в строй!

– Они ползают! Ползают, но не так сильно, как он. Он ползает, как никто другой! Но виртуально! Амбивалентно, так сказать!

– Заткнуть незаткнутые клапана! Гроб бамсель фак!
О Марианна, моя Марианна! Курс на Панаму!

– Есть, сор!

– Курс на Даун-Трейдинг Плаза!

– Есм!

– Включить аутсорсинг!

– Есть, сэр!

– Давление в пульпе?

– На уровне!

– Держать курс на реформы!

– Ту-туууу!

– Это кто за зверь? Или я пьян?

– Фрич-Фрич! Ползун наш давешний! Такая у него кар-

ма! Ползать перед всеми, как червяк! Распластываться, как жаба!

– Я видел фильм с Малковичем! Там он ползал, так ползал! А этот ползает как-то не так! Невыразительно! Неамбивалентно! В общем, по-сучьи!

– Знаменитый Малкович ползал по земле?

– Ползал!

– Но ведь он ползал по американской земле?!

– Да!

– Это совсем другое!

– Не то слово, как ползал! Весь Средний Запад помял своим... Так ползают только влюблённые в свою землю!

– Поправляю: так ползают только влюблённые в свою землю Геи! Геи!

– Америка хорошая страна! Ей не управляет такой сброд, как здесь! Там всё-таки люди живут! Поэтому они всегда будут править миром! И сбережений они ни у кого не воруют открыто! А тут одни бандиты! Кром – бандитское гнездо!

– Вот то-то и оно!

– Так и шар-то тебе в лузу!

– Неоспоримо!

– Уф!

– А кто такой Малкович?

– Малкович! Ты что, Малковича не знаешь? Пацан!

– Как-то не привелось!

– Этим не хвалятся! Такого стыдятся!

– А за что он знаменит?

– Почему он знаменит, почему! Никто не знает, за что стал знаменит Малкович! Потому, что там, где он играет, он играет всегда из рук вон плохо! Собственно говоря он не играет, а ходит по экрану и просто хмурит брови! Станиславский с Сахаровым отдыхают от такой игры! Да не в этом дело! Ничего в нём экстраординарного или просто хорошего нет! И между тем он страшно знаменит! Ужасно знаменит!

– Отчего так?

– Такой активный выброс в искусстве не может быть результатом счастливой жизни...

– Где-то я уже это слышал! У Чуковского что ли?

– Не знаю!

– У рапповцев, что ли?

– Вот и хорошо! Счастливым людям не нужно ничего творить! Для этого есть Творец!

– Он тоже ползает?

– Не уверен!

– А другие не ползают?

– Ещё как!

– Вот и иди к нему! Америка полна знаменитыми пустышками и бездарями!

– Дай-то ей бог здоровья!

– Дьявол, храни королеву!

Глава 2

Золотая Крыса

Так было завсегда!

В древности авторы великих романов норовили назвать свои произведения помпезными именами, в которых всегда было слово «Золотой». Этим они подчёркивали своё отличие от всех остальных, криворотых бездарей! Достаточно вспомнить «Золотого Осла» Апулея. За одно название надо медали давать! Или «Золотого Жирафа» Хрунка! Не читали? Ну и хорошо! Живее будете! Наверняка их было много, этих золотых книг, но большинство не сохранилось! Все попалили в кострах братья-христиане! Эти умалишённые борцы со скверной много чего испортили. Это кроме того, что они испортили человеческую породу! Потом, когда власть сменилась и вместо весёлого язычника приковыляли мрачные христовые слуги на костылях с чёрными повязками вместо глаз, костры с книгами двести лет полыхали во всех городах Европы! А до этого сто лет пиздили палками античные статуи! Конечно, жгли там не только книги, но и ведьм, но книги было довольно удобно подпихивать под ведьм. В Блефуску книг всегда было мало, а людишек навалом, поэтому тут всех жгли на простых дровах. Наверняка в это время писали книги типа «Золотые стигматы» или «Зо-

лотые Скрижали», «Золотые Кости», да их уже никто не читал, потому что все во-первых в коматозном состоянии были, а во вторых все были безграмотные! Христиане очень поработали над тем, чтобы население в Европе всё безграмотным было! В античности весь народ был грамотным, даже многие рабы писать умели! А тут всё было наоборот! Потом прошло двести лет, в которые буржуи сильно приподнялись и потеснили пузатых капелланов! А потом у нас революция случилась! Слава богу, этих толстопузиков постреляли хорошо, и церковников пожгли тоже нехило! Я люблю, когда воров коцают и ханжей жгут! Ничего поделать с собой не могу, люблю! Только плохо теперь то, что среди кошатниц много жалельщиков появилось, Все глаза проплакали по этому безмозглому Николайшке и его комарилье, на которой пробы негде было ставить!

У меня есть одна знакомая, которая само собой в этого Иисуса вером верит, но ещё и осмеливается говорить, что вот, мол, как жалко, что семейку последнего императора убили. Он был типа просто добрый человек, и ему по... было, а я думаю, император ли он вообще? Правление страной было для него типа хобби! Я его детей, конечно, жалею, но думаю, что он сам виноват. При нём распустили инородцев, а крестьяне – защитники отечества ходили в рваных лаптях! Государство!

Ильф и Петров назвали свою книгу «Золотой Телёнок». И она, хоть никакого золота к тому времени ни у кого почти

уже не было, была оселком веселья рабоче-крестьянской массы, пока умным не стало ясно, что насмехаться над потерянными всё в этой стране не очень прилично просто потому, что всё здесь потерять может любой человек. Всё, начиная от ржавой булавы, и кончая жизнью! И почти все тут теряли! Если мне не изменяет память, судьба наказала Ильфа и Петрова за их безжалостный смех, одного предав жестокой болезни, и другого наделив испорченным самолётом, который вовремя и поделом врезался в землю. Ведь скорей всего здесь Любой теряет! А не Паниковский или жертвы революции! Жертвами революции в конце концов были все мы, без различий возрастов, чинов и званий, все! Так что над жертвами этой государственности лучше всё-таки не смеяться, или смеяться очень и очень аккуратно! Потому что всё здесь залито по колено слезами скорби оскорблённых и ограбленных, и по пояс залито кровью невинных!

Прошли годы! Сменились поколения, заросли свежей травой и дёрном траншеи и могилы. Тогда «Телёнок» пожух, скукожился, лишился золотого блеска своего непревзойдённого юмора и плавно откочевал на задворки литературы. Осталась «Золотая Свинья» – ненаписанная книга о разбойниках и пиратах! Тот, кто её напишет, должен мне десять процентов гонорара за название! Ну ладно, пять! Три, так три, я не спорю! Берите и так! Ладно! Я не спорю!

Всё золотое в литературе имело благоприятную судьбу, но наша книга к золоту не имеет никакого отношения, ибо

называется, кто не помнит, «Мормонские Труссы». Может быть дать ей название «Золотые Мормонские Труссы»? Фрич, как ты думаешь?

Когда Фрич спал, к нему долго не хотели идти сны, а потом словно прорвало – пошли.

Негры с гитарами, глистианские комиссары-конкистадоры в наушниках, зелёные василиски и розовые святые с Колорадских гор, нежные пионерки из его класса и масоны с линейками и кривыми треугольниками – все они, кружась в танце, в конце концов окружили его, склонялись над ним и почти касались его лица.

– Что вам надо? – спросил он.

– Мы посланцы страны счастья! Мы ищем тебя! – ответили они, – Знаешь, как хорошо найти того, кто близок тебе? Это так трудно – собрать вокруг себя тех, кто тебе нужен! Абы кого легко собрать, это нетрудно, но найти в мире своё не так легко! И только светлая душа сможет сделать это!

– Когда я был маленьким мальчиком – вымолвил наконец святой отец Милки, старый католический глист с чётками весом в три пуда. Я видел его в прерии, на белой лошади, в лихо заломленной шляпе, с фляжкой у пояса и улыбкой у губ. Он скакал к закату, прищипывая коня и шепча молитву. Он должен был успеть к развилке дорог, на которой так легко ограбить почтовый дилижанс.

– Мой отец однажды сказал мне: «Вот нипель! Вот кардан! Вот бутылки! Вот нипель! Если хорошо наденешь его,

всё будет хорошо! А не натянешь, тогда пеняй на себя, рви волосы на голове! Всё тогда пропало! Всё будет плохо!

Так он сказал мне!

– И как, ты натянул нипель? Смог? Научи меня, если сам умеешь!! Я тоже хочу петушков!

– Да, отец умер от водянки и оставил мне вот этот волшебный нипель, имение и несколько миллионов швейцарских долларов на развлечения и сладкие петушки! Я сосу их, и каждый раз плачу от печали! Он оставил мне так много петушков, что их все не пересосать и за дюжину жизней!

– Это счастье! Хороший нипель – всегда путь к победе! – дипломатично заметил Фрич, – А плакать не надо! Всё пройдёт! Лучшее впереди! Всё, что надо, мы натянем!

– Так сколько?

– Хорошо!

С тех пор я натягиваю этот нипель неустанно! И нет усталости в моём сердце! Станция «Мир» затонула, страна ёб..., а ниппель всё натягивается и натягивается, и нет ему препон!

А потом появился Великий Велосипедист по имени Педалистрат и стал разгонять конкурентов. Лапы у него были, как клешни у рака, и он ими клацал недурственно. И глаза его как клаксоны! И сердце его, как цепь! Все разбежались, только усы и темляки торчали из-под раскладушек.

Я его, хоть череп ему проломил, в глубине души жалел, как родного, я не держу зла, особенно на мёртвых вампиров.

Бодрствуйте в час печали и веселитесь в час радости! Вот что я знаю!

Ты космонавт, или как? Не бзди! Долетим! Дотянем! Не боги горшки обжигают в конце концов!

Не падай духо, мальчик! Ты много сделал в своей жизни. Что бы ни случилось, где бы ты ни был, твой голос будет долетать до них ещё долго-долго, может быть, Века, пробуждая их фантазию и цинизм! Не знаю уж, что ценнее!

«Образы, явившиеся внезапно, обрадовали меня, как в детстве радовали новые виды и люди, все казавшиеся святыми».

А потом всё растворилось.

Начало своей жизни в лесу я отметил несравненным празднеством. Закусон у меня был мировой – два куска чёрствого чёрного хлеба, полбанки кабачковой икры – пальчики оближешь, большой кусок розового свиного сала, украденного в лавке одного доброго армянина, который тут по уголовным делам шустрит и пару давленных чьими-то жопами конфет. Сало было такое, что я его рубил топором и глотал, не прожёвывая. Да, была ещё бутылка самодельного виноградного вина. Было от чего оттянуться! Пусть, думал я, миллиардеры умрут от зависти! Баб не было, так что затраты на гандоны были минимальны!

Когда я проснулся, вокруг меня было всё хорошо.

День мой начинается с пробуждения в кустах или на столе на полянке, где пикники все устраивают. Днём они пикни-

ки устраивают, а ночью уезжают, а я получаю поляну в свою безраздельную собственность. После этих гулянок остаётся много полезного и вкусного, и я уважаю этих хлебосольных людей. Иногда смотря сквозь кусты на их нехитрые развлечения, я начинаю прикидывать, каких они кровей и почти всегда ошибаюсь. Мутные теперь люди пошли, не врубишься, кто из них кто! Но в основном – это мелкие торгаши, менеджеры и продавцы из лавок. Неподалеку от меня тихие дачи, где почти никогда никого нет. До пляжа идти минут двадцать пять по тропирнке, усеянной мелкими камнями. Кругом лианы и чуть было не сказал, обезьяны. Обезьяны тут, конечно, есть, но они живут в домах.

Солнце заливало плавленным золотом черно-зелёные джунгли, овцы и козы мирно паслись на пятнистых склонах между камней, сосны и дубы были умиротворены и спокойны, и даже мшелые камни древнего кладбища излучали лучезарный оптимизм. Ветра не было вовсе. Всё бывшее перед глазами двигалось и было похоже на картину Тёрнера. И чувство восторга и ясности жизни охватило меня. Такое чувство только однажды было в раннем детстве, когда ясня глаза и чувства и человек ещё не испытал длительного груза печали и неприятностей. Наверно есть люди, способные пройти через свою жизнь с лёгким сердцем и наивной душой, но я не из числа. Итак, о расписании моего дня, да простит меня мой читатель!

В этот день я пришёл на пляж раньше обычного. Наверно

хотел погреться побольше, ведь сообщали, что скоро будет шторм, а тут если шторм, так это три-четыре дня коту под хвост – сиди дома, не показывайся. Дождь будет шпарить, пока не прекратится!

В конце пляжа, где я расположился, сначала ровным счётом никого не было, а потом появились трое отдыхающих дам – мать и две дочки. Мать их была настоящая курица, всё какие-то полиэтиленовые пакеты вертела, залезала в воду, как курица, а дочки были ничего, смазливые! Хотя они были смазливые, но какие нервные! У одной было нечто вроде тика! Они все оказались коцаными глистиансками. Пробы негде ставить! Стали связывать свои бедствия и отсутствие женихов с изменой их богу – Иисусу! Дышать темно от смеха! И само собой вместо того, чтобы бёдрами передо мной крутить и облизываться, как все девки умеют, стали нести какую-то подплинтусную ахинею про Гроб Господень, Иерусалим этот г... ный, бога и всю эту дэвид-копперфильдовскую ...ню, какую монашки в монастырях несут старухам между едой и мастурбациями! Я ...ел! Я, честно говоря, проявлял несвойственное мне терпение, пару раз с ними беседовал с ними на богоугодные темы, хотел вправить им мозги, да только у меня не получилось! У них уже была неисправимая пуля в голове! Я с ними говорил, честное слово, всё в мирном тоне, а побеседовав, понял, что никакие доводы разума на этих монстров не действуют, и настоящего глистианина может исправить только могила. Они все тупые

и принимают тот мусор, какой у них в голове за свои убеждения! Умора! Такие страшные формы сумасшествия, как глистианство, пилюльками не вылечишь! Тут нужен танковый гранатомёт! Их нужно всех засунуть в андронный коллайдер и отправить на загадочную планету Пти-Пу-666!

«Когда Сьябуч изобрел Нанох..., энтузиасты покатали тележку с его трудами к зданию городской Думы, думая таким образом выклянчить у государства денег! Новая технология требовала новых подходов! На поветке дня были прыгающие как блохи нанотанки и ушлые в своих желаниях нанодевки».

Они сначала чурались меня, наверно потому что я самец, а потом вошли во вкус, стали хихикать, как дуры, общаться и свои грошовые философские взгляды мне излагать! В общей сложности, прежде чем я утомился и прекратил дозволенные речи, на всё про всё меня хватило минут на сорок их пустопорожней болтовни!

Я всегда удивлялся тому, что есть женщина, но если раньше я удивлялся в хорошем смысле, то теперь – в плохом! Они люди вообще? Совесть, справедливость – для них полные абстракции, вызывающие только улыбку, за слезинку ребёнка готова спалить весь мир, тупые, как пробки!

А последние додумались ещё свою природную тупость прикрывать феминизмом!

«И откуда может быть высокий ум у человеческой обезьяны, если бог не дал ей члена?» —думал я, – Людоеды мне

как-то ближе глистианок! В них сильнее природное начало! Сильнейшее! Но кто знает?

А потом, невесть откуда появился и этот белобрысый клоун с собакой, дёрганный пацанчик, ёкалдыбалдонский архимандрит, я его несколько раз видел, то он рыбой, пивом торговал на пляже, а то просто полёживал пьяный. Рыбой такие торгуют от полной безысходности, когда уж край, и денег взять неоткуда! Выглядел он как настоящий хлюст! Ха! История моды на двух ногах! Одет он был в какие-то стоптанные белые тапки, френч типа «пожалейте польских охвицеров» и в коцаной соломенной шляпе на бритой голове. И всё время головой дёргал, как Буратино! Панк!

Этот козёл как-то незаметно подкрался и лёг рядом на камни. Краем глаза я заметил, как из-под майки метнулся быстрый крабёныш. Я его давно заметил, как он за камнем маялся, чтобы у меня пакет ...дить! На мой последний кусок хлеба рот разевал, продрыга! А меня уже порядком разморило, я был никакой! Бутылка пива играла в животе. Глупые девки убили мой интеллект и сознание усыпили! Солнце било сквозь очки, и даже бейсболка на глазах не спасала. Лежу и думаю: «Вот солнце, море, вот я, и всё хорошо на свете, и море предо мной весёлое, синее! Жизнь у меня одна, другой не будет, сколько я времени попусту истратил, не видя ничего! И море – это ведь и есть настоящая соль земли, о которой пророки прокаркали в своих книжках. И самое ...вое, что этот краб все мои мысли читает! Животные, вон даже

о своей смерти заранее знают! У них интуиция развита здорово, не то, что у людей, которые все свои природные качества в этих долбанных городах растеряли.

Блаженны времена купания на море,
Когда волна, с другой волною споря,
За разом раз ласкает низкий брег,
И только этим счастлив человек.

А тот белобрысый, что с собакой поодаль баловался, подкрался ко мне и прямо в ухо говорит:

– Мистер Бултых, если не ошибаюсь!

«Ну и шуточки! Пионеры так шутят! Или пидорынеры!»

Вставать не хотелось.

– Не кошунствуй, отрок! – говорю, – Ибо...

Я поднял голову и обнаружил над собой встревоженное личико перестарка-подростка, с всклокоченной абсолютно белой шевелюрой и голубыми, как море, ясными глазами. В глазах не было никакой мысли, только телячий восторг! Ничего себе подарочек! Послал господь собеседника! Я бы такой образ назвал распутным, если бы не знал, как можно ошибаться в людских достоинствах и пороках, судя только по виду человека. То, что передо мной далеко не ангел, я понял сразу.

– Фрич! – представился он. Ни больше, ни меньше.

– Я Фрицев люблю! А недоношенных фрицев – нет! – говорю.

Тут то фрицы, то шприцы! Не знаю уж, что страшнее! Да

уж! Лучше бы ты преставился на худой конец каким-нибудь Ибн Аль Салям Мулла Субхабана Мокенжанат или Аберхал-луддин Дафна Хасбалла Шестнадцатый! Лучше бы прозвучало! Или просто Ганди!»

Я на него посмотрел долгим взглядом, таким, от которого эти закомплексованные козлы смущаются. Шевелюра белая, очочки на глазках, интеллигент недобитый! Кухонная душ-ка!

Он меня заинтересовал. НА Ганди вообще похож! Та-кой же худой и очки такие же дурацкие на носу – круглы! Ин-теллигентские очочки такие! Такие очки, которые хочется сразу снять с лица косым хуком и растоптать разношенными кирзовыми сапогами! А потом с мягкой, ласковой улыбоч-кой отдать хозяину, чтобы так больше не поступал!

– Алекс! – говорю, хотя все меня зовут Ади, – Министр внешних половых сношений Фиглелэнда! Точнее Алекс Моргенштерн! Советник Чаки по чисто военным вопросам! Чисто! У тебя случайно нет лишних очков! Я люблю их топ-тать!

– Я мэр горрода Нарчо Пукколе Квиру Нарчувайзенн! – говорит он голосом чисто горячих прибалтийских парней.

– Вы мэр города Нарчо Пукколе Квиру Нарчувайзенн? – говорю.

– Я!

– И откуда вы?

– Я к вам пряммикком из сттранны оззёрр!

– Из страны озёр-р?

– Из Финнланд-дйи!

– Вы? Сын Севера?

– Йа!

– Зачемм вы к намм?

– Фотка! Дешёвы фотка!

– Фотка?

– Фотка!

– Ви знайт фотографии? – съязвил Фрич, – Гутт принт?

Кодак? Ораза пресс?

– Найнт! Фотка! Тишови фотка! Сдес тишови фотка!

Я пит!

– Юпит?

– Айпит!

– Он – пед!

– Педагог?

– Видимо, педофил!

– Огорчён?

– Корчун! Карачун!

– Он сам не понимает своего счастья!

– О, как плёх!

– Его зовут Пит!

– Карош! Гут Пит! Пит! Пет!

– Фотка!

– Йа, водка!

– О, фя, фя, фотка! Пед!

– Так бы сразу и сказал! А то гнусишь чего-то непонятное! Стыд и срам! Для того ли тебя мать родила? Вот как!

– Водка! Дешёвая водка!

– Йф-а-йа!! Та, фотка! Тишови фотка! Тринк Унд Дранг! Пит! Ха-ха-ха!

Этот голубоглазый придурок был вежливый, ничего не скажешь! Ну, что, жахнуть его камнем по башке! Привести его в себя? По бедовой головушке? Жах! Или пожалеть на первый раз?

– Я вижу, вы тут отдыхаете? – говорит он, наивно думая, что не шепелявит и прикус у него, как у Йорширского принца..

«Издалека начинает! Чего он хочет? И какая изумительная проницательность! Ни... себе? Нет, это просто граф Калиостро! А он умеет поддержать беседу! „Вы тут отдыхаете“... Халдон! Гы-гы! Товариш! Не поступить ли нам вместе в МГИМО на вечернее отделение? А утром грузчиком брүшить?»

Настроение у меня было не очень, хоть я и пыжился. Потом расскажу, почему у меня настроение подгуляло, сейчас не время, чёрт подери! Но причина была, вы уж поверьте! Но я подумал, вежливый чёрт, не буду ему хамить пока попусту, мы ведь все вроде люди! Посмотрю, куда он дальше клонить будет!

– Я тут инкогнито, товариш! – отвечаю ему в его стиле, – С особым предписанием! Из Питера! Я мистер Защи́тый!

Защита родины и охрана военной тайн – май основни хоббис! Фирма оказывает побочни услуго! Борьба с экстремизмом и петинг на дому! Аутшизинг и хлопперблосинг! Только – никому! Секрет Сервис! Конспирация нам не помешает, нье так ли?! Мистер Мультик! Я уверен, что люди и рыбы могут вести мирное сосуществование! Ахтунг?

– А-а! Очередной псих на моём пути! – сказал востроглазый и на секунду разочарованно отвернулся, – Тут все почему-то психи! Я думаю, так действуют горы!

– И море!

– Что это за собрание? Члены секты Анонимные Патриоты? Тайный орден Римского Папы?

– И вавилонской мамы!

Он как будто стал припоминать, откуда я взял эту тарабарщину, да, видать, не припомнил. Тут и начала раскрываться его мелочная душонка – он не знал Бусча!

Мимо всё время шлялись полуголые бабы и, спасаясь от жары, то и дело ныряли под свои долбаные клетчатые зонтики. Любят они свои тела на обозрение выставлять, б...!

Любое человеческое сообщество в начале своего существования задумывается о своей безопасности. Если у тебя что-то есть, а защитить это нечем, рука соседа несомненно потянется к чужому! И когда чья-то рука тянется к чужлму или хватает его, то это самый старый, самый желанный повод для писателя взять перо и бумагу и сотворить шедевр, какого ещё не было под звёздами.

Я только успел подумать об этом, как прихромали мои приятели. Они только что встали и потягивались, вынимая сигареты. Они даже ещё не приступали к обдумыванию, чьи карманы им лучше всего очистить сегодня. И каким образом!

Тухлая рыба была дивно жирна, но вкусной её назвать решился только Яков Саломоныч.

Тут мы надели луки и намазали стрелы ядом кураре!

Глава

Почти ничего не изменилось в мире. Гибралтар верно стоял на своём обычном месте, охраняемый дебилами в пробковых шлемах, верблюды Далай-Ламы степенно шли по Сахаре, влача плотные мешки с героином и издавая беззвучные крики, а ковбой Джимми Дорс Мантенья как и все дни жизни стрелял путешествующих голубей в бескрайней Армериканской степи.

Сифон Подцепилис и Румба Шанкри, звёзды Индовуда, обколесившие Латинскую Америку и Острова Океании с зажигательными танцами, позвали в подтанцовку двух брутальных мужланов, которые не умели танцевать, но зато сверкали синими татуировками по всему телу.

Голуби и воробьи были лучшей пищей в походе, и потому благородные разбойники стреляли их немилосердно, пока не извели всех до одного!

Облака были столь похожи на собрание кривляющихся морд, что полковник-инсектор второй категории Портуарий Бабло, шедший с протазаном и люлей на борьбу с парнокопытным гнусом, посчитал себя настоящим художником.

Учитель рисования рассказывал на уроке, как в трудные военные годы они питались верблюжьими плевками. Мы верили ему и с раскрытыми ртами слушали его рассказы. Теперь я рассказывал им нечто подобное, ловя льстивые взгляды слушателей.

Голубые дирижабли, уносившие вдаль голосившего Фредди Меркюри, шли парами, чинно и благородно! Потом на город сигаровидным облаком грянула лазурная саранча! Гнойным колышавшимся слоем покрывала она холмы и сады и двигалась, медленно шевелясь и треща крыльями. Это было началом эпохи великих несчастий, названной Малым Обледенением и длившимся без малого триста лет и три месяца при полной, никогда не уходящей с неба луне.

Приблизительно в это время верный солдат родины Иван Истекаев, навсегда оставив пост у ржавой шахты с останками древней ракеты, из которой началось сочиться грозное химическое повидло, промышлял в Бердичеве тёртым камышовым вареньем и спелой речной ворванью. Он умел считать деньги, и как всегда здесь у тех, кто что-то умеет, у него их никогда не было.

Предки Якова Соломоныча этой ночью плавно переходили вброд вялую польскую границу, влача на трудовых лям-

ках мешок сладкой шведской конопли.

Солнце стояло над счастливой Республикой Зимбабве, как будто его пришили божьим гвоздём к плоскому синему небу. Орды глистианских проходимцев из соседней Родезии по-прежнему ели земной хлеб и каждое утро несли бред в Хеллоуейской церкви Всех Святых Первой Оргии Творения. Бак спал на гамаке, сделанном из старого одеяла и проволоки. Его лицо выражало детское спокойствие и крайнюю доверчивость жизни. Королева Бранглии Елизавета читала книгу «Путь паломника».

И только король Испании Хуан Карлос утром сего дня внезапно врезался в дверь! И большой синяк на лбу царственной особы с особой почтительностью засвидетельствовал, что король – тоже человек, хотя и необычный!

Все мы были огорчены ранению короля Хуана Карлоса, ибо событие бросало тень сомнения на дух всеобщего оптимизма и ожидание счастья, вселившееся вдруг в наши сердца.

Испанский король покрылся коростой и потерял товарный вид! И акции Испании в наших глазах должны были неминуемо упасть!

Маленьким мальчиком Бак был упорным, и его то от стены родители отнести не могли после того, как он три часа кряду головкой в ковёр на стене с разбега бил, то откачивали и бинтовали переломанные руки, когда он однажды на Кавказе убежал из детской коляски, на крачках без всякой

помощи залез на скалу, там метров сто высоты, и свалился с неё вниз головой. Все думали, что всё, малыша нет больше, там камни такие, что подумать страшно! А он из-за камня выполз и головкой в него тют-тют! Мол, мама и папа, всё со мной нормалёк! Головка крепенькая! Тогда все поняли, что сынок жив и всё с ним будет всё нормально, и принялись его бинтовать!

Вот откуда у него потом любовь к Кавказу появилась!

Когда он вырос, он на все Кавказские войны, какие были попал, и ожидает следующую, чтобы с пушкой на Кавказе побегать, так любит Кавказ!

И тут послышался первый голос из хаоса. Появился призрак отца Гамлета. Это был Фрич! Без майки и штанов! Помочи украшали его зрелую, неспортивную наготу и были лучшей частью одежды, помимо кастрюльной ладанки и одного носка.

– Кирдык Мантуанский что сказал?

Все замерли. Так хотелось разузнать, что там сказал Кирдык Мантуанский. Я люблю первоисточники! Особенно когда их не существует! Тогда можно сколько угодно говорить о чём угодно!

– Они трахаются, а они пи..ят о погоде, о модах, и никого ничего не волнует! Ты хочешь такой жизни? Хочешь?

– Маньяк!

Поднимать голову и открывать глаза не хотелось. Я представил в воображении хозяина голоса. И ужаснулся! В холо-

да он бегал по снегу и пел «Мама миа что мы будем делать?»! Последователь отца Порфирия! Сектант из секты Муна! Или из тех, кто в семейных трусах по снегу босиком шастает, как они там называются? Снеголюбы, что ли? Спирохеты! Г... топы! Забыл, мать вашу! Склероз!

– Честный человек сейчас не в фаворе! Это такая же редкость, как китаец-гермафродит!

– Ты в гермафродитах лучше меня разбираешься! И в гомофобах! Тебе и карты в руки! А я о другом думаю!

– Да!

– Было так голодно, что зимой ёжика он кормил грудью!

– В самую точку! Это история из фильма о блокадном Ленинграде?

– Да!

– Как страшно жить в лесу под пистолетом!

– Среди друзей и коцаных подруг!

– Да! Та вот! И тут моя избушка в лесу подверглась нападению! Они выслеживали меня почти всю зиму, и хотя, благо я скрывался, петляя и портя следы, они в конце концов застигли выследили меня по следам! Это ж какую хватку надо иметь, чтобы годами выслеживать в лесу бедного человека, чтобы потом отнять у него оловянные ложки, фотоаппарат-мыльницу и кучку мелочи в ящике школьной парты! И решили отыграться за свои былые неудачи!

– На тебе?

– На мне!

– Они что, гномы? Ничего не соображают! Маленьких нельзя трогать! Это грех!

– Им ещё не было известно понятие греха! Это же фараоны!

– Важно! Важно!

– Неважно! Да только огонь и засада с тех пор не покидали моей маленькой усадьбы! И виной тому был полковник Рудаков, злой человек, нехороший человек! Я потом его видел в городском саду, где он отдыхал вместе с женой и сынишкой! Сынишка у него сопляк был и похоже не в себе, всё слюни пускал и какую-то белиберду про барабашек нёс! Страшная трагедия! Инопланетяне, вампиры, чужие! Я торчу! Я чего хочу сказать!..

И тут я услышал разговор, которые не то, что бы заинтересовал меня, напротив, нет, он сначала совсем не заинтересовал меня, а потом, да, заинтересовал:

– Бак! Добро пожаловать в клуб пятидесятилетних!

– Пятидесятилетних старух? А что дают?

– П..дюлей! Но сколько хочешь! Шведский стол!

– Господа! Да вы – сама Щедрость! Богиня Халява! Хотя пиздюлей на сегодня мне хватит! Я только что после драки ушёл от погони копов!

– И чья победа в битве?

– Моя!

– Ой ли? Ты подумал, прежде чем сказать?

– Ой!

– Ничего! Ты же десантник! Привык к пиздюлям! Хочешь ещё пиздюлинку? Герой родины? Я отвалю!

– Я десантник только для девушек! А так я партнёр!

– Партнёр! Маска! Давайте знакомится! «У него была шведская семья, затем шведский стол, а потом в старости – шведский стул!»

– Киножурнал «Хочу всё знать» идёт в бой!

Потом они о чём-то забубнили, и ничего не было слышно.

– А ты ничего не говори! – сказал первый голос, и я понял, что как будто когда-то слышал его, такое у меня бывает, чего- чего, а память у меня, как архив в Самаре, – Помолчи! Ты уже всё сказал на свою голову! А ты сосредоточься! Как страна! Не помню названия! Вон видишь, президент сказал, чтобы страна сосредотачивалась! Пирказал ей соредоточиться! Сами спят до полудни и ничего не делают, а старой обеспокоены! И она по команде сразу стала сосредотачиваться! Приняли позу лотоса! Это он ведь не с бухты-баракты сказал, а по наитию и правде! Сказал, как сказанул! В точку сказал! Как в лужу взднул! Сегодня и Навсегда! Раньше у страны были ноги-раскоряки, и zenки в разные стороны смотрели, и сидела она в грязной луже, вяло поводя плечами и пуская пузыри, а теперь всё не так, раздайся грязь, страна идёт, всё стало само собой сосредотачиваться! ...дец врагам! Цвети, Европа! Расцвет Европы! Расцвет Европы неминуем! Они это умеют! За такие зарплаты и преференции можно быть и патриотом! Я бы при их зарплате и не такое нахва-

ливал! И ты так поступай! А то всё правду-матку рубишь где ни попадя! Кому это понравится? Сейчас правда никому не нужна! Не зли никого! Не пей больше, не кури, блядки брось и сосредотачивайся! Мидитируй, как Гоголь в тумане! В церкву поди! Сосредоточься как страна Говнострания, и ничего не говори! Смотри в одну точку и иди к ней! НЕ ходи вокруг да около кругами!

– Да я и не хожу!

– И молчи тихо так! Тс-сссссс! Фараонам это нравится! Полковник твой, когда увидит, что ты вместо того, чтобы пьянствовать и всякие гадости и своей родине говорить, стал проповедовать мир и согласие, и осанну-толерантность петь, знаешь как он обрадуется? Он подумает, что всё хорошо!

– А я?

– Ты? А ты в этот момент бросаю на него и откуси ему голову! Раз – и всё!

– А как я потом объясню следователю мотивы своего поведения? Сошёл с ума? Краткое умопомрачение? Сглаз? Партия приказала?

– Ну да, типа да! Он гонялся за твоей женой с топором и поймел её на плите! А ты как муж и защитник святынь, не смог сдержать удивления, гнева и...

– Лучше всказать «изумления»!

– Тоже неплохо!

– Да только закавыка вот в чём! У меня нет жены!

– Эка невидаль! Самое страшное ещё впереди! Будет!

Волк с косичкой! Вампир снимает маску! Я тебе подыщу кандидатуру! Будешь по ней скучать!

– И как же он овладевал ею?

– Он овладевал ею так, что джунгли затихли и обратили взор внутрь себя! Амбивалентно овладевал!

– На какой плите? На горячей что ли?

– На кладбищенской!

– Это хуже! Это называется кошунство!

– Нет слов, как херово! И кошунство – это ещё самое слабое слово! Есть и похуже! Виртуальное мегабогохульство! Нет, лучше так: «Виртуальное мегабогохульство как перманентный стык аспектов теории профессора Косточкина-Ряжского»! Класс!

– Да ладно тебе! Он что-нибудь снял с неё?

– Когда?

– Когда-когда! Когда он завалил её на плите?

– Это не обязательно, тем более, что на ней ничего и так не было!

– Я понял!

Это был Фрич! Он торчал среди веток, как... в сортире и копал в носу пальцем. Мне везёт на первоклассников! А говорил он теперь с Баком.

Глава 3

На Масличной Горе

В то время, как Креститель бродил по торфяникам с крестом и флагом, Фрич с копьём не покидал Масличной горы. Он пребывал там отнюдь не для того, чтобы беседовать с богом и прыгать через горящие кусты. Такое ему бы и в голову не пришло! А кусты после визитов любителей шашлыка, в округе горели постоянно! Фричем двигало другое! Им двигало великое, самое великое чувство, какое человек испытывает в горах – чувство голода! Он лазил по пустым дачам и собирал там незрелые фиги для своего учителя и спрятанные в шкафах банки с засахаренным вареньем. Учитель не всегда мог есть его дары, потому что почти всегда лежал пьяный в гамаке у настёжь открытой избушки. Иногда искателю приключений удавалось забраться и внутрь богатых строений и тогда Фричу доставалась чёрная кастрюля или старая поломанная бритва.

Копье Фрич сделал сам из двух прутьев от железной ковати и заострённого куска металла! Издали его ружье производило неизгладимое впечатление и учитывая нервный характер владельца копьеца, его и на самом деле следовало побаиваться!

– Всегда так, – сказал Ральф, – Как только всё начина-

ет идти слишком хорошо, как надо ждать беды! Закон какой-то!

– Закон Джунглей! – почтительно сказал Фрич.

– Импатия, то есть... эта... как её...

– Импотенция!

– Может, индульгенция?

– Нежели невозможно всё время идти к совершенству? Кто даёт подножку делу? Почему забастовка буксует? Почему?

– А ты представь себе мир, в котором делается только хорошее! Это всё равно, как если бы во время оперы Вагнера из-за кулис вывалился кордебалет и принялся выбрасывать ножки. Королевская семья была бы в лёгком недоумении!

– Вагнер-Шмагнер! Что мне ваш Вагнер? Кто такой Вагнер? – возопил самонадеянный полусвятой Яков Самуйлыч, – Не знаю я никакого Вагнера! Мне и без Вагнера, точнее говоря, хорошо! В Израиле вон ваш Вагнер вообще запрещён! Его там все игнорируют и Шмуля Крапидзон в середине вообще сидел на его нотах жопой!

– А у меня Израиль запрещён! И я сижу жопой на их библиях! Кто прав? Мне кажется, я!

– Ты считаешь? – сказал Бак, но Якова уже и след простыл. – Я тоже люблю библии, но Я не люблю ветхий и новый завет! Они меня смущают, напрягают! В них есть что-то непроходимое! Что-то таинственное! Ветхое!

– Ты не думай, что он того! – сказал Ральф, потягиваясь, –

У хобитов он – гуру!

– Я люблю библию! Но не люблю ветхого и нового завета! Я не вижу смысла их читать! Эти книги отягощают меня! Они меня смущают! Хотя это великие книги! Это миры, ви-сящие наж нами! Это очень интересно – оживлять мертве-цов! В них есть что-то мерзкое! Мерзкое величие вампиризма! Как будто смотришь из мира в щелку и подсматриваешь, как вампиры в сарае шуршат и ищут живую кровь! Величе-ственная и прекрасная кратина! Там много мудрых мыслей! Экклезиаст – мой наставник и друг! Это настоящий кладезь великих обретений человечества! Но мысли эти видно что чужие и никто в них не верил уже тогда! А больше полови-ны из них вообще – ложь! Недаром эти книги всегда были так популярны! Они универсальны! Это универсализм зла! Величие абсолютного зла! Мегатрафик космического гноя! Всем нужны великие вещи! Рабам, проституткам, нищebro-дии всякой! Только любовь важна!

– А ты что, Рокфеллер?

– Все библии строятся – и за порог,

А которые ветхие – вон в квадрате,

Ваш бог —бог пустых обещаний, неисполненный бог!

Мы верили две тысячи лет! Хватит!

– Понимаешь, Ральф, – говорит тут Фрич, и чего его разо-брало на философию, уж не знаю, – Мир не создан для сча-стья и гармонии, он создан для движения!

– Движения куда?

– Вернее к чему! Для движения к счастью!

– Ну вот все уже построились и готовы двинуть к счастью!

Твои действия?

– Уворачиваться от дикой толпы, несущейся к счастью!

– Не мешай! Итак, мир словно по волшебству создан для движения к счастью! Причём не для всех!

– А для кого же?

– А для избранных!

– Кого?

– Избранных! А движение может быть разным: быстрым, лёгким, пёстрым, наглым, перманентным, естественным, розовым или преступным! Оно может быть... ну да ладно! Как вы скучны, серы, нелюбопытны! Природу интересует только то, чтобы движение не прекращалось! А это не гарантирует благородным и добрым лёгкой жизни! Что за шум? Кто там куролесит?

– Муравьи сбиваются в профсоюз!

– Женщина в смарагдах! Кому-то приглянулось наше имение!

И правда какая-то гражданка, слегка пьяненькая, как мне показалось, рвалась сквозь наши заслоны. В прошлом, кажется, она была даже хорошенькой!

– Что с нею?

– Насосалась в утю?

– Вот и подтверждение моих новейших теорий! Женщина насосалась во что?

– И опровержение старых!

– Я одно знаю! – говорит тут Ральф, – У нас будет свой «Фоли-Бержер»!

– Свой «Фоли-Бержер»?

– Да, свой! Свой национал-социалистический «Фоли-Бержер»! И своя большевистская Мекка! И свой Новоиерусалимский погост! Кто придерживается иных взглядов для того это будет другой «Фоли-Бержер». Для Фрича – глистианский «Фоли-Бержер», для Якова Самуйлыча – ветхозаветный «Фоли-Бержер»!

– Якову Самуйлычу Боли Фужер нужен! Зачем ему девушки-заики!

– А кто будет плясать под буги-вуги? Кто будет нашими девочками? Кто?

– Девочками будут Бак и Фрич!

– Я не девочка! – обиженно сказал Бак и сжал кулачары, – Я не буду поднимать ноги! Можете оторвать у меня руку, но ноги я не подниму!

– Если ты не будешь поднимать ноги, отбросишь копыта! В истории было столько случаев провальной пассионарности, что спорить не о чем! Целые народы ушли в небытие из-за их привязанности к замшелым, пошлым представлениям! Викинги-шмикинги! И я помогу тебе в этом! Те, кто не хочет поднимать ноги, тех государство рано или поздно заставит поднять руки! Это нам не нужно! Бак, выбор у тебя не велик – либо поднимать ноги, либо отбросить копыта! Выбери

лучшее!

– Я и не знал, что у меня такой выбор! А другого выбора нет?

– Нет и не предвидится!

– Ну если Фрич вместе со мной...

– Я тоже не вместе!

– Хватит пустой демагогии! Бак! Наши враги изобретательны и находчивы, но и мы не хуже! Они постоянно придумывают новые способы навредить нашей стране и нашему народу, и мы тоже!

– И что?

– Фрич совсем сошёл с ума. Он что-то пишет в большой бухгалтерской книге, которую прячет за домом. Что он может писать в этой толстой мохнатой книге?

– Любовную поэму!

– Держи карман шире! Фрич не станет тратить так много сил на любовные шашни! Нет, он не способен потратить столько времени на описание своей любви к какой-нибудь дурёхе. Я боюсь другого! Я боюсь, что его поглотила церковная тарабарщина, и он канул в схоластические споры Агеластов и Трюгеров. Боюсь, что тут дело политическое или хуже того – террористическое! Архитеррористическое! Что здесь пахнет адюльтером!

Архи террористический акт, который задумывала дружная компания в джунглях, планировался в совершеннейшей тайне, и Ральф обозвал это «конфиденциальностью». Он об-

зывает такое важное явление другими словами, но радовался только этому.

– Говорить о своих нереализованных планах – означает провоцировать Космос на насмешку над нами! – сказал Ральф, – поэтому мудрый, художник он или невесть кто, помалкивает в дудочку и выносит своё детище только когда его закончил!

– Ральф! Не ссы в коровий след!

– Почему!

– Дурной знак!

Бак не прислушался и на следующем привале навалил в коровий след. Наши бедствия были предрешены!

– А я предлагаю другие способы обогащения!

– Ну-ка!

– Грибы!

– Галлюциногенные, я полагаю?

– Трюфеля! Они тут под дубами растут! Никто не знает!

– А ты откуда знаешь?

– Наитие!

– И ещё?

– Лекции по гигиене для женщин!

– Я разрешаю, но сначала прими душ сам! Женщины не любят грязных гигиенистов! На них растут грибы!

– Фу-у!

– Честность очень тяжела для частного лица и очень выгодна сообществу!

– Он повторяет это каждый раз, когда нас собирается больше трёх человек! Других мыслей нет?

– Не верьте ни одному слову женщины! Её слово – это туман над тающим льдом!

– Человек! Кормил ручную гадюку с рук, пока она не укусила его в пенис!

– Судьба интеллигента в годы перемен! Попав к вам, я стал завидовать мёртвым!

Глава 4

Марчи Блюй Ярче

Дни здесь непохожи один на другой! Хотя можно сказать, что напротив они похожи друг на друга, как агнец и жопа!

Я с удивлением узнал, что при якобы существующей в Фиглеленде конституции или что-то вроде этого, запрещающих гражданам иметь два гражданства, есть государства, пролоббировавшие свои интересы и к примеру, анареи имеют право быть и гражданами Фиглеленда и своей нечестивой страны Исруль. При этом, к примеру гражданам Финляндии отказано в таком же праве, они, чтобы получить гражданство Фиглеленда,, должны отказаться от финского гражданства! Ничего себе равноправие выдумали анареи! Кто такие эти анареи, чтобы им открывались все двери там, где они закрыты для собственных белых граждан? Кто они такие? Зачем Фиглеленду граждане, подчиняющиеся враждебным нам блокам, преданные враждебным партиям, обслуживающим враждебные силы? Институт двойного гражданства – преступный инцидент истории и он должен быть отменён законодательно! Раз и навсегда! И чтобы ни у кого даже мысли не было подвергнуть это решение сомнению! Человек, не живущий на своей территории, рано или поздно утрачивает связь с ней! Должны ли мы считаться с его желанием

сохранять статус-кво и извлекать привилегии из того, к чему его нельзя допускать?

– Да нет! Рокфеллеры и Морганы – умные люди!

– Неужели? И в чём их ум? В том что меня и моих земляков ограбили до нитки? Такой ум должен быть в земле. В чём их ум?

– Сам знаешь!

– Не знаю! Обвести вокруг пальца единственный народ, который терпел столетиями этих уродов, ввергнуть в качестве благодарности его в нищету и братоубийство, на это нужен ум, великий ум! Но не просыпаются ли великие умы среди ночи от ужасных видений в своей голове, мучимые духами моих замученных соплеменников, не ужасаются ли они перед неизбежной мстостью, которая будет неистово кровавой для их детей, не кричат ли их жертвы им в уши?

– Не просыпаются! Не тот случай!

– И ладно! Настанет день, когда многие из них не проснутся! Будет ли это по вине арабов, или Господь пошлёт на них иное, я не знаю, знаю только, что мокроенько будет, справедливоенько и красноенько!

– Твоими бы устами...

– Что?

– Делать мировую революцию!

– Я никогда не ошибался! Может быть я не доживу до счастливых времён воздаяния, но то, что оно придёт, я не сомневаюсь! Так же я знаю, что среди моего народа

опять могут найтись дураки, которые будут их спасать, когда они, чужие и обтрюханные, попросят воды и хлеба! Земляк! Не делай этого больше! Прогони их от своих дверей! Не слушай их речей! Не верь ни одному их слову, ибо их слова – желчь гибельная! Лучше спасай кошек!

– Да я тоже прикалываюсь с тобой! Что раскочегарился? Я что, не знаю, с кем имел дело?! Я знаю, какие это умники! Планета земля превратилась из-за их поганого глистианства и его ублюдочного сынка-выблядка Большеви́зма, из-за их папы Уолл-Стрита в свалку враждующих, ни во что не верящих банд... Разве такими должны быть люди? Создай условия, они сделают из земли рай, сделай по-другому – построят ад! Они несут на своих бредовых теориях насилие и беспорядок и настанет время, когда все их изобретения будут заклеймлены, как преступные. Их книги сгорят в огне великого поколения, которое неминуемо и очень скоро встанет на их пути железной преградой, которую они не смогут перескочить. Это поколение поднимется среди руин безверия, на самом краю существования!..

Мы обратили взоры на Ральфа, который спустя минуту углублённого молчания снова исполнял роль первой скрипки и закрипел на славу:

– Край беден! Беден интеллектуально и духовно! Нет настоящих искусств! Нет настоящей интеллигенции!!!!..

Он прямо надулся, как лягушка, когда про интеллигенцию вспомянул, бродяга! Нашёл о чём распространяться!

Болтун!

– ...Нет настоящего бодрящего шоу! Мы должны обеспечить родному горному краю такое шоу, какого у него ещё не было и какое он заслуживает всей своей героической судьбой, все своей...

– И какого же шоу заслуживает столь благостный и великолепно край! – спрашиваю, – Какого? Ревю «Зловещие Мертвецы», пип-шоу «Белоснежка и семь гномов»?

– Не кошунствуй, Лихтенвальд! А не то переименую в Шванцерберга! Нет! Не мертвецы! Живее всех живых!

– А что?

– Борьба Сумо!

– Что???

– Борьба Сумо!

– Борьба Сумо????? И кто же будет главным борцом Сумо???????

– Ты, Бак!

– Я? Ты шутишь! Я не умею!

– Научим!

– Я не хачю!

– Заставим! Смотри! – Ральф подъял руку к небу и стал похож на Саваноролу, – Представь себе огромный плакат при въезде в ущелье, и броская надпись на нём большими буквами: «Борец Сумо Иван Борщ против Зловещего Вампира Эка Голдфингера из Старых Нидерландов!» Представил? Это же Мегашоу Века! А также пляшущие девочки

и Магда с Причиндалами!» Представил?

– Да!

– Ну?

– Ну!

– Хорошо?

– Хорошо!

– Так вот! Надо каким-то образом загнать этих идиотов на представление, а там разберёмся! На всякий случай подготовим пути отступления! На заднем дворе должна быть калитка или подземный ход к реке. Как у китайских императоров Дзинь Пан и Пук До! На чём мы остановились?

– «Борец Сумо Иван Борщ против Зловещего Голдфингера из Нидерландов»!

– Вот вот! Против! Именно против!

– А кто будет зловещий Голдфингер? – проблеял Фрич, чуя неладное, – Кто?

Все, кроме меня, улыбнулись. Ну, как можно задавать такие вопросы, когда всё и так понятно! На такие должности у этих друзей выдвигались только Фрич и я. Я тоже не всегда хорохорился, но они уже знали, если я упрусь, ничего не выйдет, поэтому Фрич был как пионер – всегда в прорыве.

– Фрич! Да ты и будешь! Не понял, ноготок? – радостно осклабился Ральф, показывая большую дыру между зубами, – Ещё до твоего рождения было ясно, что не избежать тебе борьбы Сумо! Как ты наивен!

По Фричу было видно, что идея борьбы Сумо увлекла его

меньше всех. Он даже посерел, бедняга. И поделом!

– Может, Белоснежкой и гомами обойдёмся? – возопил он, – Не тяну я на Зловещего Голдфингера, ну не тяну! Я как скелет! Худой! Сутулый! А тут нужен богатырь! Какой я Голдфингер? Я скорее Минипен, а не Голдфингер! Тут горцы! Они шуток не понимают! И где мы Магду возьмём да ещё с причиндалами? Что за шутки?

– Была бы Белоснежка, а гномов я уж как-нибудь найду! – осклабился Ральф, – А насчёт Минипена, ты прав! Литл-пип! С Магдой действительно туго! Но отступать нам некуда, Фрич! Позади это!

И он сделал неопределённый, но довольно неприличный жест рукой.

– Как бы позора не было? Бить потом будут по-настоящему!

Но Ральф был непреклонен. Он стоял, олицетворяя собой крайнюю степень сосредоточенности.

– Коготки Фредди ступились о решётки тюрьмы! Маньяк Свечкин манкирует летучими мышами! – сказал он, – Он, видите ли, не хочет! Всем хочется есть, пить, сношаться с красавицами, а он не хочет помочь благому делу и поучаствовать в благотворительной акции! Да у нас чистюля завёлся! Жертва демократии! Забыю в пушку! Выстрелю пепел в сторону Греции! В распылитель пошлю!

– Но Белоснежка лучше! – гомонил Фрич, – Может, всё-таки пип-шоу? Правда, Белоснежка лучше! И причинда-

лы тут к месту будут! «Рождественские Причиндалы Николая-Угодника»! Хорошо! Может, индейцы и Кортес? А?

– Не! Сумо! Только Сумо! Не волнуйся! К Белоснежке мы ещё вернёмся! Не волнуйся насчёт пидоров!..

Фрич был совершенно нормальный гетерогенный мужичок, и никаких сношений с пидорами не имел...

– ...Пидоров для тебя найдём!

Ну, Ральф и шутил! Он всегда шутил отпадно, а тут сам себя превзошёл! Это уж он слишком махнул! Я бы так не стал Фричу говорить! Его душа от малейшего дуновения летает, не то, что от таких ударов! Его словами можно разрубить! Дурацкая шутка, нечего сказать! Борец Сумо! Монтесума тот ещё!

В то время, как я предаюсь философским рассуждениям, с пляжа доносится шабутная частушка:

Мы вчера в прямом эфире
Развлекались вдругорядь:
Пили, пили, пили, пили,
А теперь идём. бать!

«На смерть радиозвезды!» только так можно назвать этот шедевр! О если бы телезвёзды умирали почаще! Только так! Просто панегирик какой-то! Почаще бы они умирали, эти звёзды, было бы прикольнее! Ничто так не любит наблюдать человек, как бедствия врага и неприятности друга! А так скучновато, один умрёт, двух, глядишь, откачали! Два по-

мерли, пятеро в себя пришли! В общем, наблюдается кругом неплохой прогресс медицины! Склиф у нас ведь работает неплохо, из кусков может человечка собрать! Привики прививаются! А с душою что делать, а?! Кое-кого и из могилы вон подняли! Подняли! Ну и что? Пьют теперь снова свои замогильные песни! А-аааа! А-аааааааа! В городах всё плоское, а потому люди пьют!?

Всегда у них так – как у сучки течка, так Галилей виноват!

А мы в горах! Никому дела нет до нас! Кроме фараонов, конечно! Вон недавно они Страуса побили до полусмерти и в заключении лейтенант сказал мне и ему: «А я вас, сударики, на цугундерчик отправлю, будете там жижечку месить!»

И нежно так сказал, что Страус даже от неожиданности заплакал. Он рыжий и в детстве ему много раз очки топтали. Я бы тоже, увидев такого рыжего, даже не посмотрел бы нанего, сразу бросился бы очки с носа у него срывать и топтать после! Такие словно созданы для того, чтобы им очки ратоптаб! Просто раскатать очки!

Ну что ж! Неизбежные философские размышления настигают каждого, кто только приближается к этим горам!

После страшного безделья, чтобы снова стать человеком, надо хорошо выспаться!

Миллионеры мелочью под ногами брезговали, и подбирали только вафельные пачки с баксами. Хотелось поближе подобраться к Прохорову и основывать вместе с ним новую партию!

Одно время к нам в лес зачастил любознательный поп, то ли решивший вывести нас из тьмы интеллектуальных блужданий, то ли тоскующий по неформальному общению. Звали его отец Авгий. У него были до того прищуренные глаза, что он казался ослепшим. Его любовь к богу вызывала уважение, но уступала его любви к спиртным напиткам. К тому же он не прочь был нас мистифицировать, или врать.

В первую встречу он гарантировал зубом, что час Страшного Судилища так близок, что присяжные заседатели будут ещё до рассвета.

Поповская утка настолько удачно улеглась в головы моих друзей, что не вызвала ни у кого из них ни малейшего сомнения в правдивости его слов! Кто ж с первого раза не поверит попу? А ведь он мог и соврать! И он наверняка обманывал нас! Я не знаю в чём он мог нас обманывать, но по его хитроушей лисьей физиономии было видно, что да, обмануть может! Даже если никого не обманывал! Это очень диалектично так думать, я бы сказал!

- Ты морской вебрь! Сильный морской вебрь!
- В море вебри не живут!
- А ты живи!
- Зисис май гёл! Зе гёл ис май!
- Чо он сказал! Он не говорит обо мне – спросил Бак.
- Не знаю!
- Сколько же этот конёк-горбунёк будет из себя изображать пикадора? – зычным голосом спрашивал он, указуя

на Бушующего престарелого аристократа Павла.

У Павла были не только чрезмерно замедленные движения, как у ленивца, но и ум, как у жирафа.

– Сколько родине надо, столько и буду! – неожиданно уместно отвечал лесной аристократ. И бзднул. Тоже вполне уместно.

– Ох, и сметлив же ты, падла! – сказал ему Патрикеев, наш неверующий килл-гуманист.

– Мал золотник, да вонюч! – подхватывал отец Авгий осуждающе, возмущенно шевеля чёрными жучиными бровями, – В бога он хотя б верует?

– А то б!

И хор завывал ему вслед тысячами голосами и подголосками, то ли ангельскими, то ли ещё какими.

– Хотя б верует! – отвечал богобоязненный Бак, – Да только пока не сильно! Я тоже! Не верю! В детстве у меня был случай... Один мой знакомый веровал в бога и был странный парадокс, у нормального человека, когда он смотрит на тёлку, текут слюни, а у этого сопли текли...

– Зелёные?

– Когда у влюблённого текут зелёные сопли, значит, его любовь истинна, она вечна!

– Дай-кость я его приобщу! – весело завохтал отец Авгий, – Фому этого! Неверного! Дай-кость я ему рога наставлю!

И начал засучивать рукава в ципках. Почему-то никакой

разницы между божьими слугами и прапорщиками в природе не наблюдается. Вероятно в далёком будущем прапорщики и попы сольются в единое целое и в церквах будут служить Господни Прапопы!

Рыжий рыжий конопатый. Убил дедушку!

– Да как-то так! Верует, но неявно! – подтвердил я, – Вы не волнуйтесь! Это сейчас бывает! Я знаю сексота, который верует в бога и для которого свято всё, что он делает по инструкции. Для такой родины это совершенно святой человек! Заповеди и инструкции для внутреннего пользования для него святы! Но представься случай остаться безнаказанным, он бы не... делать грабанул банк!

– Сейчас с вятость такая! Не придерёшься!

Я всегда лезу в чужие разговоры, меня мёдом не корми, когда вокруг чужие разговоры, я ввинчиваюсь в них с ходу, с полуфразы, как будто всё слышал, о чём там эти козлы говорят! Никто спасибо за это не сказал, но зато пару раз меня побили. Это я так шучу! Попробовали, но с меня слезешь, как заползёшь!

Я знал одного народного мстителя, который отвёрткой замочил Пашу Заречного, десять лет терроризировавшего весь посёлок Таёжный, сказал при этом: «Господи! Я сделал!» А односельчане хором радостно поддакнули: «Слава богу!» Вот это был воистину верующий человек!

Я верующих в этого глиста не уважаю, но иногда завидую им, как можно позавидовать сильно ширнувшемуся во вре-

мя падения на голову человечества огромной кометы. Ему лучше. Комета летит, подлетает, а ему хорошо. Вот в таком смысле я долбаным глистишкам завидую. А больше им не в чем завидовать!

А потом на седьмой годок отсидки благодарные односельчане поставили ему памятник на главной площади города, в тоге и сандалиях.

– И ты думаешь, они в рай попадут? – заинтересовался Бак.

– Хотелось бы!

– А если они в раю с этим Пашей встретятся, там такая чехарда начнётся – хоть всех святых выноси! Паша если в рай попадёт, сразу говорящей змее голову отвертит! И ангелам тогда не поздоровится! Нет, ему в аду лучше будет!

– Он и его заморозит!

– Первые всё равно будут последними! – уверенно доканчивал поп и отправлялся восвояси, вращая хитрющими глазами и подмигивая всем встречным.

Эх, Паша!

Сколько пидора не корми, а у слона... всё равно хлеще!

А потом я заснул, и как всегда полезли в голову всякие фантомы. Сначала появился пузан. В руках у него была огромная рейсшина и аптекарский пузырьёк. Его звали архитектор Мятликов. Это было на улице, и увидев у Мятликова рейсшину и пузырьёк, широкие народные массы метнулись к нему, дабы отнять всё наследство Мятликова. И он

само собор бросился в широкую дверь церкви, из которой шёл сильный колеблющийся свет. И толпа за ним протягивала руки и клешни.

Супостат Мятликов метнулся под защитительный полог иконостаса, но там его уже ждали два монгола с саблями. Он прыгнул на штору, и как обезьяна в мгновение очутился в окне церкви, откуда достать его было труднее. Монголы были ошарашены, и на мгновение захлопали глазами.

Они выскочили наружу и принялись бегать под стенами, чертыхаясь на своём языке и посылая стрелы в бойницу.

А потом появился милиционер.

Есть люди, которых можно исправить словом, есть такие, кто, и отсидев в тюрьме сто лет, ничего не уразумеют, а есть такие, которых жги на костре кверху ногами, ничего не поймут! Полуковик милиции Лапочка был из таких, кого и сатана побаивается, я вам так скажу.

Его лексикон был беден. Слова «блин, шмат, мясо и б...» являлись в таких неожиданных, сильных и свежих сочетаниях, что у окружающих кружилась голова. С помощью пяти слов он не только мог выразить всё огромное разнообразие нахлынывавших на него ощущений, но и украсить речь перлами. Иногда подобно бриллианту в субботний день, из его рта вырывалось и интеллигентское слово «ж...».

Как только я заснул, лодка вошла под вязовые заросли и сквозь тихую воду были очень хорошо видны камни на дне и шустрые маленькие рыбки, которые при всяком случае но-

ровили скрыться под огромными валунами. Река была довольно широка и широкие полосы света пронизывали её медленное течение на всю глубину.

Пиратский корабль медленно скользил внутрь увешанного влажными лианами берега.

– Шморкердинский! Ко мне! – неистово кричал бешеный одноглазый, как полагается в таких случаях, пират Марчи Блюй Ярче, натягивая на голову ярый двуухий расхлебай и размахивая зачумлённым пистолетом..

– Врачу, исцелися сам! – сказал тут из кубрика доктор Кесиносов таким голосом, таким, кажется, люди и не говорят! Голос из подземелья! Каждое утро ему приходилось вытворять до семи операций аппендицита и до пяти ампутаций. Пираты были импульсивны, и как дети норовили чуть что отыгаться друг на друге! Поэтому в радиусе ста миль не было человека, у которого был бы полный набор членов, подobaющих человеку. У одного нет коленной чашечки, у другого глаза и пальца на левой ноге, у третьего уха и мениска. Был ещё тут человек, весь состоящий из ушей и носа-рогоносец Гастрофакер, то есть гастербайдер!

По лицу одного из гоменапластов чем-то торговавшему из-за занавески было понятно, что на самом деле он – самая первая жертва пластической хирургии.

«Я палец сломал в колесе о подругу!»

– Кто здесь? Античные педофилы на этом празднике жизни! Готические соглашатели и маньяки? Современные жи-

вые механизмы?

– Сударь! Пред вами истинный герой-гаррибалдиец Фиксенков!

– Обдолбанный гаррибальдиец Фиксенков! Ко мне!

– Я здесь! Отдыхаю!

– О чём ты думаешь, Марчелло?

– Я? Об одном и том же! Иная целка и член поломает!

– О как! Ну не скажите монсеньор, в придачу к моим неясным мыслям и сомнениям, мне явлен ваш софизм!

– Здесь не софизм! Банальность! Люди! Масса! Компост!

– Ну! Как хотите! Я знаю твёрдо! Целка – это целка! Целка – это во всяком случае – не верблюд! И ей не подходит спешка, жадность, расплывчатость видений, дребезжание, отдельные порывы, тренд коварный и многое другое, всё по списку!

– Какая река, такая и стремнина!

– Странно, но утопленники, потонувшие в этой реке были всегда погрызаны раками, в то время как утопые в других были совсем как новенькие! Это парадокс какой-то! Эта особенность нашей реки столь редко раньше бросалась в глаза, что...

– Что?

– Это тайна!..

– Доходное местечко, нечего сказать!

Глава 5

Гавайская муха

Сейчас, когда я жужжу в эфире, как гавайская муха, многие сидят в Пиплиотеке, откинув чубы и отставив бадики, ха-ха! Я разумеется не буду долбать моих немногочисленных читателей своими философскими перлами, как это делают иные афторы, не в коня корм, как говорится, что мне они, пусть они сами в себя от вида этих гор приходят! Обтекают! Я правду говорю, многие меня циником считают, да какой я на самом деле циник? Это такая брехня, что мне стыдно! Я наоборот за правду, не как некоторые! Циники – это те, кому на всё плевать, кроме собственного желудка и существования! Вот првительство наше —циники! Посмотрите на них – просто столпы цинизма! Попы- циники! Лгуны — циники! А я что? Сижу с примусом, починяю! А горы мозги просветляют очень! Правда, если они есть! А некоторым хоть самые гористые горы поднеси, всё равно толку никакого не будет, потому что у них в головах мозгов нет! Таким и горы не помогут!

Те, кто ушёл из жизни, а я их помню всех, иногда являлись мне какими-то другими, изменёнными что ли, и являлись в какие-то странные моменты. Я не мог вспомнить их просто идущими рядом со мной, просто говорящими что-

то, но видел или завязывающими шнурок, или мочащимися на забор, или ещё чего. Что у меня за память, ума не дам! Всё помнит!

С раннего детства я знал, что мне предстоит написать великие книги, великие картины, или даже сделать ещё кое-что, не менее великое!

Никто не мог подсказать мне, в чём проявится впоследствии мой талант, поэтому в юности у меня были проблемы.

Странно, в это трудно поверить, но я вижу суть человека так, как будто он при мне просвечен рентгеном. Особенно просто я вычленяю из толпы разных агентов спецслужб, есть в них что-то такое, что сразу даёт мне знак. Ого!

Это называлось в лучшие времена диалектикой. Итак!

Человек с ружьём.

Женщина с веслом.

Гермафродит с баблом.

Аполлон с козлом.

Зуб с дуплом.

Геморрой с узлом.

Всё! Конец империи! Сюда надо добавить самоотречённость, православие и гомосексуализм – путеводные идеологические звёзды божественного Блефуску – потешного режима, при котором мне пришлось жить.

Можно сказать – повезло! Как бы иначе я побывал в Зазеркалье и увидел такое количество нечисти и подонков? Здесь идёт поистине волшебный эксперимент, сочетающий

в себе оболванивание моего народа, его геноцид и полное безоговорочное ограбление. В истории вряд ли были когда такие яркие и запоминающиеся моменты.

Здесь население делится на три неравные группы: стран-ные люди, воры и психбольные разных мастей...

Один из них сразу попадает в поле нашего зрения, это крупный, плодный, кряжистый парень с пышной шевелюрой и довольно низким лбом.

Большая оса носилась над Баком, как будто он был с ног до головы намазан вареньем. Рядом с ним стоял ещё один персонах, только очень худенький!

– Чур! Это шершень! Три укуса увлекут меня в мир иной! Отвлеки её! Чур! Я не знаю, что ей понравилось во мне!

– Может быть, твой запах?

– Ну, это вряд ли! Хотя есть короли, пахнущие хуже!

– Ладно, я никогда никому не скажу, как ты пахнешь!

– И правильно! Никогда не говори этого никому! Пусть они сами тебя разнюхают и после сломают голову в размыш-лениях, чем мы пахнем!

– Вот наконец ты сказа слово «Мы». А до этого твоё серд-це билось одиноко, в гордыне и смятении! Наконец-то ты сказал «Мы»! Я горжусь тобой! Брат!

– Ладно! Гук вчера спалили дом! Он выпил много белого вина и ошибке поставил бутыль на грелку. Бутыль взорва-лась и его великолепный соломенный дворец вспыхнул, как факел!

– Как-как? – спросил странный тип, оказавшийся неподалеку.

Странно, я вроде и не говорил ничего! Где-то я его видел? Не на разгрузке ли ящиков около продуктового магазина?

В это время над авиабазой появилась надувная бацилла филигранной работы. Она сбросила какой-то неизвестный груз и улетела, радостно помахав крыльями.

– У таких бацилл нет крыльев!

– Есть! Виртуальные! Метафизические!

Итак, кто же всё-таки населяет это плодородный край?

Первое – воры, неистово растаскивающие бюджеты разных уровней, второе – святые, готовые работать за такие гроши, что воры даже не имеют сил смеяться над ними! Всё! Когда видишь эту разлюли-малину, начинает казаться, что ты попал в ад!

– А ты кто?

– Я второй! Кто-то в этой презренной стране должен делать грязную работу! Пусть я не слышу этих людей, не вижу их, пусть они далеки, никогда не поймут, почему я так делаю, но я буду делать это!

– И где же ты отрабатывал свою методику?

– В одном из вузов! Я ходил на службу в этот вуз, не задаваясь вопросом, сколько мне платят! Ибо, мне казалось, неважно, сколько мне платят, то есть на самом деле это было важно, но не так, чтобы...

– Запутался ты короче!

– Не затем я здесь оказался, чтобы воевать за зарплаты и премии. Мне хотелось поделиться своими знаниями с молодými! Наверно в душе я такой же, как моя тётушка Евфалия! Та тоже в этой грёбаной стране жизнь положила на деревню и маленьких детей в школе! Всю жизнь была единственной учительницей в долбаной сельской школе, жила одна в большом доме! Не знаю, понятно ли ей было, что с ней сделало это государство!

– И что же было дальше? Такие демарши хорошо никогда не заканчивались. Обычно увидев дурачка-небожителя, ему тут же садятся на шею, начинают валить на него всё, что можно, да ещё и презирают за спиной!

– Да ничего!

– И всё-таки, чем же эта лабуда кончилась?

– Я впал в нирвану и года два купался в сладком кисельном озере педагогики и педагогического процесса! Со стороны наверно это выглядело смешно и нелепо – взрослый мужчина за такие гроши, на какие младенец не позарится, ранними утрами спешит в вуз!!! Ха-ха! Увидев, что я не воюю за деньги, начальство вообще почти перестало платить! Годами шла инфляция, а никто инфляцию не компенсировал! И мне стало противно! Это было какое-то зазеркалье! Нечеловеческое зазеркалье! Я начал терять интерес к процессу! А они не просто содержали бедняков на копейки, а ещё и подъелдыкивали и подыздёвывались над ними – всё время какие-то отчёты вводили, опросы, рейтинги! Это всё

министр с противной фамилией и сам противный, как крыфса, старался. Рейтинги!! Ха-ха! Рейтинг нищеты преподавателей!

– Да уж! История! Кто оказался жертвой их преступных реформ? Славяне в первую очередь! Народ, о котором, если он погибнет, никто не вспомнит, потому что он не обладал волей, и не убивал своих обидчиков и притеснителей! Кто расставил картонные будки и вымогал у тевтонов столовое серебро в годы немецкого поражения? Ануреи! Кто стал выселять глупых, наивных, часто не слишком умных славян из их квартир в годы «реформ»? Те же самые ворюги и проходимцы, что ставили будки в Германии! Кто обижал древних ебиптян в годы их бедствий и смуты Древнего Царства? Вы не знаете ответа?! Те же самые людишки! Я знаю! Этот народ – ошмётки дьявола, ... земли, зловещие микробы вселенной, проклятие здравого смысла, худшие слова лексикона, и если вселенная не уничтожит их всех, тогда пусть лучше сама взорвётся! Проклятье на них всех! Проклятье моё! Пусть плачут те, кто смел смеяться над нами!

Государственность, которая не самом деле довела славян до ручки, веками вела обратную селекцию, убивая лучших и оставляя худших, формально имеет право даже нагло убрать название «Славяне» и называть их как-нибудь по-другому, например, «государственными рабами». Такое же диво произошло в Друзии, где Друзсих стали нагло обзывать госсиянами! Посмотрев на всё это здраво, понимаешь,

что такой цинизм не может не иметь последствий, и славяне и госсияне просто обязаны разорвать такое государство в клочья и проклясть его! Это обязательно случиться ещё в пределах моей жизни! Никакие сексоты и полицаи не смогут помешать народам не терпеть глумления над основами своего существования! Но какими наглými ублюдками надо быть, чтобы вообще до такого додуматься! Нам надо наконец набраться мужества и взглянуть в лицо правде! Нам надо наконец как следует «отблагодарить» такую «государственность» за всё, что оно нам сделало!

– Это понятно!

– Бедные студенты! Не достичь им нирваны!

– Да уж! Не достичь! Как вообще произошло слово «нирвана»? Оно произошло от трусов, вероятно, мормонских. Господь в раю, узрев муки Адама, с барского плеча бросил ему трусы и радостный Адам схватил их, осмотрел и, увидев, что они целы, радостно возопил: « Не рваные! Не рваные!» Вот так появилась нирвана!

– Как всё запущено! – после долгого молчания рёк Бак, его так звали, – Шутка юмора!

– А знаешь, как появилось слово «Осана»?

– В честь Бен Ладена?

– Типа! -Будет тебе и дудка,

Будет тебе и свисток!

Здравствуй, моя малютка!

Я без тебя изнемог!

– Если я работаю за шесть тысяч, либо я – лох, либо страна – говно! Или всё вместе там! А посмотрите на администрацию вуза. Они все довольны этой несправедливостью! Это не настоящие администраторы, это выживалы и проходимцы! Про мою страну можно сказать лишь то, что здесь правят лишь банды. Какая разница на чём ездят банды – на тачанках или на «Бентли». Мир не стоит на месте. Если раньше пьяные матросы имели возможность ездить на тачанке, не резон, чтобы они долго терпели эти тачанки и решили пересесть на «Бентли». При этом они остались тем же, чем были – пьяными матросами на тачанках!

Мой народ как пчёлы – всё время летает, жужжит, несёт мёд в соты, и тогда он никому не интересен. Однако когда соты полны, они всегда оказываются без попечения и охраны, и тогда лихая рука бандита выгребает тогда всё до последней слезинки мёда.

– Летите пчёлы, летите! Ваш удел летать! Вы рождены собирать мёд, а мы воры рождены жрать ваш мёд, разбрасывая ошмётки ваших жилищ! Вы молчите всегда, пчёлы, редко жалите чужую хищную руку, а потому никто никогда не будет знать, кто вы были на самом деле!

Здесь ничего не доводится до конца! Самодержавие, к которому не успели приделать голову, социализм без члена, и вот наконец капитализм без чести и мечты! И ни одного неграбленного поколения в итоге! И никакого смысла для более не менее честного человека вкладывать в такое, нето,

чтобы душу – что угодно!

Интересно, чем всё это кончится?

Я как-то на досуге даже небольшую поэмку сочинил. Вот, послушайте:

Глава 6

Судьба таксодермиста

На Родине

Как много пальм! На фоне лесосплава
Прекрасная Мазутная Страна,
Которой, право, грех не крикнуть «Браво!»
И вдаль уйти под звук веретена!
Пушкой закат над нами плещет ало,
Иду вперёд упорней глухаря!
Так калики Владимирским Централом
Тревожно шкиндебали от царя,
Влача на чреслах пыльные котомки,
В которых угнездилась пустота,
Пусть ожидают мутные потомки
Земной беды и страшного суда!
Пушкой дракон пятнадцатью крылами,
Помашет нам, напившись ревеню,
Я право видеть птицу с головами
Дух ящериц с катарсисом сравню!
При виде бога и мадонн едва ли
Смогу понять, где здесь е... мать,
Недаром наши предки задавали:
«Как быть, что делать и куда совать?»
Пусть залп большой, граница блещет сталью!

Мелькают мимо как бы города!
Болотами иду по «Зазеркалью»
С Алисой и плешивым Твидалда.
Люблю я родину, но тихо, издалёка,
Как гражданин и сын её любой!
Но если «Мессершмитов» нежный клёкот,
Доносится, я чищу «Шмайсер» свой!
Я так люблю рассвет в военкомате,
Где властвует чернявый, мрачный гном
Но всё-таки, так жаль, что честный Ади
Не растоптал всё это сапогом!!!
Я вижу скрытый смысл событий грозных,
И краски неизбежных перемен,
Я не грущу, но всё-таки серьёзно
Я положил на всё здесь толстый член!
Пусть он лежит на армии и флоте,
Парламенте и даже... утаю!
Враги врагов, когда ж вы от... те
Ту родину, которую люблю?
Когда же залп отъявленнейших пушек
В ночь тихо подкативших под Покров,
Сотрёт в песок толпу гнилых изБусчек
И расстреляет миллиард воров?
Когда ж опять пройдут заморским мором
Армериканский дядя и игрок?
Натешившись полночным равзговором,
Отнимут у воров награбленное впрок?
Когда ж под говорок заморских пушек,
Какой-нибудь китайский Литл Мук

Родных воров отгонят от кормушек,
Где слышится веками ладный хрюк?
Фельтфебель, заряди «Большую Дору»
Пошли в подарок грозную чету!
Я своему отъявленному вору
Всё ж импортного вора предпочту!
Нет мне чудесней и родней отрады!
Вселенная должна стране воздать!
Когда ж опять народ пивные склады
Отправится ломami отпирать?
Когда проснётся старый гном от скуки,
В которой завтра хуже, чем вчера,
И потирая сладострастно руки
В динамик дико прокричит «Хура!»?

.....

На родине моей одно и то же,
И даже морды те ж с одной руки,
И только бабки тщетно шепчут «Боже!»
Тревожно прибирая медяки!

- Уволенный из филармонии за пьянку и блуд, он пошёл в троллейбусное депо таксодермистом!
- Может водителем!
- Водителем-не водителем, какая разница?
- Основательная!
- Это для гнилого интеллигентишки типа тебя основательная, а для нормального человека – говно! Никакой!
- Ты так думаешь, или кто подсказал?

– Дерьмосадистом и педоводом! Вот кем надо стремиться стать!

– Есть, сэр!

– Сэр! Идите!

– Пшоль!

В то время я сочинял «АнтиПиплию». Это было жутко интересно. Мне являлись причудливые картины, рядом с которыми Босхоские страшился выглядели детским лепетом.

Так я рассуждал наедине с собой, ещё не понимая, сколь многое меняется с переселением в лес в моей жизни!

Приснопамятные времена богоборчества прошли.

Я понял, что с чувством голода нас теперь сможет разлучить только смерть.

Мне не надо стараться, чтобы что-то сочинить! Оно само из меня прёт! Умные люди помогают, к примеру – Джордж Бусч – гиперАрмериканский перзиден!

Это такая матёрая нечеловеческая, такая матёрая глыбища! Чтоб вам заколбасилось! Московские тусовщики рядом с ним выглядят, как какашки на фоне чистой воды родезийского бриллианта!

Над ним все смеялись да потешались, а потом попритихли, потому как!

Я Вам говорю, глыба!

Он так говорил с трибуны, что Цицероны и Гвиглеры плавно вращались в своих гробах. Я всегда завидовал ему. Достиг человек всего и ещё может рычать:

«Идея о том, что Соединенные Штаты готовятся напасть на Иран, просто смехотворна! К этому могу добавить одно: мы рассматриваем любые возможные варианты! Поход на войну повлиял на уверенность людей! Трудно вкладывать капитал!

Понимаете, вот вы владелец малой фирмы или крупной фирмы, и вы думаете об инвестициях, и когда вы инвестируете, вы должны быть настроены оптимистично!

Только вот если вы идете на войну, это ведь не самая оптимистичная мысль, так? Другими словами, это обратная сторона оптимизма, когда вы думаете, что идете на войну».

Глава 7

Золотой Стеблец

Здесь, в прибрежной ложине, изгибавшейся, как каменная змея вдоль моря я поневоле кинул якорь на долгое время. У самого берега моря, в шучных м влажных зарослях обитала небольшая коммуна тех, кому общественное мнение отказало в праве считаться полноправным членом общества. Коренастый, засмолённый солнцем до черноты Ральф, белокурый, похожий на высохшего в застенке эстета-пифагорийца Фрич, властный спартански воспитанный экзэсовец Бак, герой Лейбштандарта. Его лексикон был беден. Слова «блин, шмат, мясо и б...» являлись в таких неожиданных, сильных и свежих сочетаниях, что у окружающих кружилась голова. С помощью пяти слов он не только мог выразить всё огромное разнообразие нахлынывавших на него ощущений, но и украсить речь новыми перлами. Иногда подобно бриллианту в субботний день, из его широкого рта вырывалось и интеллигентское слово «ж...».

Несколько лет назад Ральф попал в психлечебницу. В психлечебнице он вылечился от нервных потрясений, но приобрёл удивительную привычку пить пиво с таблетками. Открытый им эффект нравственно удивил его и даже вид в зеркале собственной красной рожи с выпученными глазами уже

не останавливал и не пугал его на пути самоусовершенствования. Психотронные таблетки вкупе с пивом вызывали улыбочивость и общий мажор. Уходила злоба дня, саморетушировались и шустро пропадали с экрана президент и премьер-министр.

Правда, начинала бесноваться печень, но теперь ей было трудно прорваться в огненную голову.

«Мы не рабы! – твердил тогда ритмично Ральф, – Мы – Рыбы! Робы! Бобы! Бабы! Бубы! Дубы!!!! Директор Йошкар —Йолинского Леспромхоза Облюй Облы Углы Моглы Углы господин Имярёк! Ко мне!»

Они склонились над ним, как жаждущие мщения ангелы.

– Скажи, кто ты, Порги и Бесс в одном лице, или Джекил и Хайд в двух?

Он не знал ни того, ни другого, и потому помалкивал, бросая на меня укоризненные взгляды.

– Опять квашеную капусту Армериканцам хочешь продавать, лузер? – спросил один с бриолиновой причёской и огромным алмазом в пустом глазу.

– Сто блюд из капусты! Великое искусство кулинарного преобразования!

– Из свёклы можно сделать двести!

– Но есть их нельзя!

– Искусство по боку? – осведомился рыжий, с палевыми коттоновыми крыльями и усиками по венской моде. Этот был похож на живого.

– Опять нас динамить собираешься? – предположил третий стеклянный человечек.

– Что в планах, Казанова? – закончил опрос ангел в штопанном гандоне поверх оранжево-зелёной майки. Всех Пальников Начальник и Мочалкин Командир! Все издеваются над маленьким!

На него потихоньку накатывал возраст, в котором балзаковские женщины начинают, всё больше теряя либидо, со всё возрастающим темпераментом проявлять материнскую теплоту о братьях наших меньших.

Это ему не нравилось. Хотелось темпераменого холодка юности!

И отвечать на праздные вопросы ангелов не хотелось, ибо пошли они все!

Ральф хорошо пел в училище, и лучше всего у него получилась песня «Маленькая Золовка»!

Друг детства много знал, но скрывал ещё больше.

Потом Ральф вылечился и от таблеток с пивом, но приобрёл новые привычки. Всё у него заменялось подобным.

Когда у него украли дом, он подался на улицу.

От канализационной трубы исходил такой сильный дух семейного тепла и ласки, что Ральф заснул в течение нескольких мгновений.

Во сне к нему появился замороженный Уолт Дисней в клетчатом кепи с тростью и в розовых тапочках. Да, у него и шлафрок был! Лицо у него было синее-пресинее и всё

в кристаллической измороси. Могильный холод так и пёр от него в разные стороны. Он вошёл и тут же стал углём рисовать на стенах его квартиры всякие непотребные рисуночки, ничуть не уступавшие по своим художественным качествам фрескам Геркуланума и Помпей. Не обошлось тут, разумеется, и без Микки Мауса, только это был Микки — Маньяк, злой пачкун и убийца! При этом мистер Дисней очень доходчиво рассказывал про любовные позы и иногда цитировал хорошие стихи какой-нибудь Сапфо или сестры доньи Микелины Промахос. Голос у него был какой-то загробный, я сразу отметил, это меня напрягло, я вам скажу.

Он вдруг увидел себя в виде маленького хлебного пёрышка, соскальзывающего в огромную кипящую кастрюлю. Медленно мелькали перед ним стенки алюминиевой кастрюли, исчерченные невидимыми человеческому глазу полосами, рядом летели такие же жёлтые хлопья, как он уже приближался к вспыхивающим пузырям, когда проснулся.

Такие сны не всегда кончаются чем-то плохим, но уж точно не ведут ни к чему хорошему!

Проснулся он через сутки, освежённый долгим сном и кармическим бездельем.

А потом загадочным образом оказался в ущелье.

Помимо Ральфа, который по виду был тут главный, мимо нас всё время шмыгал очень худой, говорливый тип, которого все звали доктор Пилюлькин. Доктор Пилюлькин отношения к медицине не имел за исключением того, что од-

нажды на своём стрёмном пути, а был он когда-то предпринимателем-одиночкой, он торговал медицинскими препаратами и однажды даже их выпускал. Это был необычайно активный человек с длинным носом и пронзительными глазами. Окончив инженерный институт в смутные времена перестройки, он был сразу же брошен в горнило кооперативного движения, а потом и частного предпринимательства, и в бурной и мутной среде первоначального накопления демонстрировал воистину бойцовские качества. Тем для деятельности было много. В стране почти ничего не было, поэтому афера с мылом сменялась операцией с солью и завершалась рокировкой со спичками.

Доктор Пилюлькин был широкой душой, и как только удавалось повернуть очередную успешную аферу, и у него в офисе большой цветочный горшок оказывался полон денег, его сразу тянуло на покупку супердорогих вещей, домов и мебели. Но как только он их покупал, сразу грял новый виток кризиса и оказавшемуся без денег Пилюлькину срочно приходилось продавать автомобили, дома и мебель за сущие гроши. Оказавшись на мели, Пилюлькин не терял веры и каждый раз начинал подъём. Первый раз он потерял два миллиона долларов и дом на Лазурном Берегу.

Он начал снова и с великими трудностями стал торговать специями и прищепками, развозя специи и прищепки на велосипеде. Через месяц он развозил их на грузовом автомобильчике. И снова полился денежный поток, и благост-

ный их хозяин позволял своим сотрудникам брать в долг и помимо опять начавшейся вакханалии покупок, вкладывал в недвижимость в горах и весях нашей родины. Роскошный спортивный автомобиль демонстрировал финансовые успехи доктора Пилюлькина. Завершив основные дела к середине лета и чувствуя незыблемую устойчивость наставшего как ком дела, доктор Пилюлькин собрал совет директоров своей новой фирмы и выработал новую стратегию – стратегию расширения. В соответствии с ней было решено взять в кредит большой мешок денег и быстро расширить производство. Отдав распоряжения и вручив деньги в руки своих верных заместителей, доктор Пилюлькин отбыл на побережье Камказа и грелся на солнышке почти два месяца, убаюкиваемый разговорами в верными замами, трубившими о наставших успехах. Он вернулся и поехал в офис. Дверь офиса была открыта и на пробитом диване сидела кошка и мяукала. Больше в офисе ничего и никого не было. Деньги были украдены.

На следующий день, как по команде на домашний телефон Пилюлькина стало дерзко звонить коллекторское бюро с просьбой о возврате кредитов. Доктор стал скрываться от кредиторов, попутно подумывая о волшебной палочке, при помощи которой было бы возможно снова подняться с колен.

Кредитная история была подмочена раз и навсегда, поэтому для нового похода за богатством пришлось привлекать

деньги друзей и родственников, свято веривших в гениальность доктора Пилюлькина.

Теперь доктор посвятил свои планы прорыву на южном фронте и занялся строительством и фармацевцией. Строительная деятельность сводилась к чудочейственному препарату, подсказанному ему Сторожем того санатория, в котором он отдыхал. Как всегда сначала всё шло прекрасно, деньги лились потоком, и доктору Пилюлькину удалось за чем-то купить недвижимость в пляжной зоне, но с какими-то мутными оговорками. Когда он заполнил договор, он почему-то не удосмужился обратить внимание на особенно мелкий шрифт, каким были написаны примечания к договору, полагая что таким мелким шрифтом пишут только ... ну всякую! И ошибался! Потом оказалось, что эти оговорки – самое главное в договоре, самое сливочное, и получить теперь его законную собственность ну просто невозможно. Мол, за что уже заплачено, то, пацан, – твоё, а площадь, выходящая за рамки договора, будет стоять уж извините, как богу угодно! И само собой в уже сделанной квартире оказалось эдак десять метров излишков, которые строительная компания решила ценить теперь на вес золота! Дело рухнуло и родственники и друзья, дававшие Пилюлькину деньги под честное слово, оказались один на один лицом со свирепыми коллекторскими вампирами. И квартиру, на которую возлагались финансовые надежды, теперь выволить не представлялось возможным, потому что надо было полмиллиона дол-

ларов за излишки! Кредиты рассосались как-то сами собой, как утренний туман над поймой, не вызвав никакого чувства насыщения! И тут правда открылась пред всеми во всей своей отвратительной неприкрытой наготы. Родственники возненавидели Пилюлькина, но только один из них, кому Пилюлькин был должен больше всех, стал на него охотиться, и почувствовав угрозу, Пилюлькин убежал через люкарну под крышей своего дома, приехал на товарняке в нашу расселину и стал жить спокойно под сенью наших джунглей. Приняли его хорошо, потому что он принёс целый ворох рассказов и анекдотов. К сожалению, как всегда бывает в таких случаях, он забыл взять из квартиры паспорт, а когда вернулся за ним, квартира уже была подожжена и догорала, извергая в небо ароматный перламутровый дым. Теперь Пилюлькин по-партизански ненавидел власть и готов был ходить на выборы! Будь у него паспорт!

Был ещё один тип, которого звали Гримаско, история которого точь в точь повторла историю Пилюлькина, с той только разницей, что его быстро убили в пьяной драке и он не успел толком рассказать свою историю.

Был тут и Кирюша – бледный длинноносый, как Буратино парень в белыми курчавыми волосами.

Кирюша был такой самоуверенный бизнесмен, что не понимал, чем отличаются времена. Поэтому дикие сюрреалистические времена, когда одним наскоком можно было захватить целые мешки денег, собственности и вещей, никак

не хотели покидать его горячую голову. А между тем эти времена давно ушли. Кирюша мог бы понять это по многочисленным банкротствам затеваемых им дел, но он не хотел это делать! Его неуёмная натура требовала простора мысли, требовала вольницы, отвергала всякую долгую и скушную созидательную деятельность. Когда умные люди спрашивали у него бизнес-план, он оскорблялся, начинал реветь, как осёл и, укхождая, дико хлопал дверью. В начале бандитского капитализма он занимался перепродажей специй, фенов и подмоченных спичек, купленных вполцены на городской помойке. Его дело тогда выросло до столь феноменального размера, что в день через его руки проходило до сорока тысяч долларов. Единственная проблема состояла в том, что им было там очень трудно удержаться.

Кирюша понял, что рай на земле для него уже настал. И купив впятеро дороже цены роскошную чёрную машину, снял пятикомнатную квартиру в центре Мусеквы. Человек он был добрый, и иог пачками давать деньги своему шофёру, парикмахеру, который крутился вокруг столь ценной головы. Гордыня Кирюши возростала, как на дрожжах. Он уже безговал ходить на службу и вверил контроль за делами честным людям, которые очень старались ради процветания и престижа фирмы. Целыми днями в офисе фирмы стоял специфический звук, это шуршали его сотрудники.

Свою ошибку Кирюша понял только тогда, когда ввалившись в офис никого там не застал, кроме кошки, жалобно

мяукавшей около настёжь открытого и совершенно пустого сейфа. Верные заместители украли даже мини-статую Свободы, стоявшую у него на столе, так же как, впрочем, и сам стол. Кирюша бросился в банки, где под гипер-проценты набрал кредитов. Для получения кредитов ему пришлось заложить в ломбард за пятую часть цены замечательную чёрную машину. По этой же цене через несколько месяцев она была изъята банком. Затем ему с великой горечью пришлось убедиться, сколь преувеличенным было его самомнение по поводу собственных талантов. Он снова закупил специй, мешками покупал, но специи не пошли, спасла соль, которая пошла в деревнях на ура, но ценьги, вырученные от соли были переданы в целлофановом пакете знакомому армянину для передачи коллеге, которому он был должен и который находился в том же здании геологического вуза, только этажом ниже. Почему-то деньги, посланные вместе с верным армянином, и которым нужно было идти двести метров, куда должно не дошли, исчезли бесследно, так же как и сам армянин, и Кирюша в великом бешенстве искрошив ножом бюро девятнадцатого века, нанял киллеров, чтобы искать по всей стране потерянные бумаги и людей.

– Они меня не знают! Я сделаю так, что они и их трупы джигу в гробах будут вытанцовывать! Все их бабушки в могилах будут подняты по тревоге типа Аларм Клок! – грозил он веткам, шумящим в осеннем окне.

– Это как аларм? – спросила его жена.

– С подъелдыкиванием!

Он затеял ещё два три проекта, один другого экзотичнее, но странное дело, все они провалились вчистую. Дела шли всё хуже, а тут ещё навалились банки, требовавшие возврата кредитов. Все кредиты, несмотря на продажу за полцены двух квартир и цеха консервов в Серпукове, где он точил ножи, вернуть не удалось, и коллекторское агентство «Свечеч» терроризировало Кирюшу немилосердно, отвлекая его силы, внимание и иссушая остатки предпринимательского таланта.

В отчаянье он задумывал всё новые проекты – средство от облысения, подсказанное ему дворником в его дворе – великим специалистом волосистости и облысения. Всё проходило в такой спешке, что подумать о таких мелочах, как бизнес-план, упаковка, где реализовывать товар, было вообще недосуг. Был закуплены три бочки ингредиентов, нанят старый грузовик, он спешно отправил двух своих приятелей Никишу и Саню в пределы Синопской области, где в полуразвалившемся гараже верные набибы на костре варили чудодейственное средство, отравлял атмосферу неопишными запахами. Через месяц изготовление средства от облысения было завершено и погрузив цистерны в раздолбанный грузовик, они тронулись в обратный путь! Кирюша готов был встречать их с оркестром, но открыв одну из канистр и понюхав сусло, сморщился и от канистры отошёл.

Поставки маринованных мышей для армии и флота

не могла продолжаться вечно!

Потребитель для средства от облысения так и не был найден, и канистры потом долго пылились в подвале Кирюшиного дома, котрый теперь находился в пригороде и тербовал постоянного ремонта, а потом были отданы тому самому дворнику, который поделился с Кирюшей своим страшным секретом. Дворник пил, что угодно, и благодарил Кирюшу поклоном в пояс.

Лосьон «Брахмапутра» подействовал почти мгновенно. Активные члены расслабились, крики утихли.

Надежды больше не было, с имуществом Кирюше помогли расстаться хищные заимодавцы, денег теперь почти никто не давал, и он вынужден был вовлекать в свою феерическую деятельность бывших друзей, последний призыв Зигнерюгенда. Верные друзья отчаянно верили в великий удел Кирюши, и надеялись на его таланты беспредельно. Несомненной красноречие привлекало к нему. Но так же беспредельно и всё чаще верных друзей настигало разочарование, потому что выданные ими Кирюше деньги так же бесследно пропадали, а взамен них Кирюша извергал всё больше словесной лавы. А потом и друзья прекратили субсидировать гениального предпринимателя. Жена кинула в него блин и свернула ему нос. В следующий раз в него полетело суфле. Суфле сломало ему челюсть. Он знал, что в холодильнике хранится ещё зефир и баночка красной икры, смерти не миновать, и Кирюша решил не рисковать – ушёл из дому!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.